

Идеология. Экзистенциализм. Феноменология

И.А. Михайлов

Институт философии РАН
109240, Гончарная ул., д. 12, стр. 1, г. Москва, Россия
ia.mikhaylov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные закономерности рецепции феноменологии и экзистенциализма в советской философии (1940–1960-х гг.). Показано, что, в отличие от рецепции начала XX в., знакомство с идеями основных представителей немецкой феноменологии происходит в значительно менее благоприятной обстановке, отягощаясь, во-первых, требованиями идеологической борьбы и, во-вторых, подходом к феноменологии с позиций философии совершенно иного типа: экзистенциализма. Ошибочно рассматривая экзистенциализм закономерным следствием гуссерлевской феноменологии, советские исследователи на долгое время закрепляют подозрения в иррациональности также и самой феноменологии. Типичная для 40–50-х гг. модель восприятия феноменологии как гуссерлианства закрепляется в Советском Союзе еще на несколько десятилетий, закладывая труднопреодолимые препятствия для изучения феноменологического движения. Неопределенность тематической области того, что должно относиться к феноменологии, приводила к неопределенности также и в определении природы философской программы, обозначаемой этим именем, а также тех конкретных исследователей, которые внесли вклад в ее разработку. Статья предлагает новый взгляд на эту историю.

Ключевые слова: Гуссерль, Хайдеггер, феноменология, экзистенциализм, марксизм, идеология, рационализм, иррационализм, советская философия

Для цитирования: Михайлов, И.А. «Идеология. Экзистенциализм. Феноменология». *Историко-философский ежегодник* 38 (2023): 129–204.

Поступила в редакцию: 26.07.2023

Поступила после рецензирования: 07.08.2023

Принята к публикации: 08.08.2023

Ideology. Existentialism. Phenomenology

Igor A. Mikhaylov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

109240, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, Russia

ia.mikhaylov@gmail.com

Abstract. The article deals with the reception of phenomenology and existentialism in Soviet philosophy in the 1940–1960s. Compared to the reception of the early 20th century, acquaintance with the ideas of the main representatives of German phenomenology takes place in a much less favorable environment: it is heavily burdened by the requirements of the ideological struggle. Additionally, phenomenology is being understood through the ideas of existentialism, a completely different type of philosophy. Mistakenly considering existentialism as a natural consequence of Husserl’s phenomenology, Soviet researchers for a long time reinforce suspicions of the irrationality of phenomenology itself as well. Typical for the 40–50s the model of perception of phenomenology as Husserlianism prevails in the Soviet Union for several more decades, laying formidable obstacles to the study of the phenomenological movement. The ambiguity of the thematic area of what phenomenology should refer to led to ambiguity also in determining the nature of the philosophical program denoted by this name, as well as those specific researchers who contributed to its development. The article offers a new perspective on this story.

Keywords: Husserl, Heidegger, phenomenology, existentialism, Marxism, ideology, rationalism, irrationalism, Soviet philosophy

For citation: Mikhaylov, Igor A. “Ideology. Existentialism. Phenomenology.” *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 38 (2023): 129–204. (In Russian)

Received: 26.07.2023

Revised: 07.08.2023

Accepted: 08.08.2023

В начале XX в. российская философия стала одной из первых национальных традиций, в которой идеи немецкой феноменологии начали обсуждаться и реципироваться. Перевод на русский язык первого ключевого произведения этого философского направления, «Логических исследований»¹ Э. Гуссерля, стал вообще первым переводом этой работы на какой-либо из иностранных языков. Впоследствии столь же оперативно была опубликована также и программная статья «Философия как строгая наука»². Уже через пару лет один из молодых российских философов, слушавший лекции Гуссерля в Гёттингене в 1912–1913 гг. завершает диссертацию, в которой идеи нового, трансцендентального этапа развития феноменологии не только представлены на достаточно высоком научном уровне, но и предлагается развитие феноменологической проблематики³. О Гуссерле пишут, его обсуждают многие: Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Л. Шестов и др. Политические репрессии, а также программа высылки инакомыслящих, известная под общей рубрикой «Философский пароход», привели к истреблению заметной части интеллектуальных сил. Оставшиеся, в частности и сам Г. Шпет, еще успели развернуть в Советском Союзе самые разные исследовательские программы⁴, однако к середине 30-х интеллектуальная среда была зачищена еще более радикально; уже находившийся в сибирской ссылке Г. Шпет был расстрелян в 1937 г.

Знакомство с феноменологией – философской традицией, которая в 40–50-х гг. и в Западной Европе находилась не в очень

---

¹ Э. Гуссерль, *Логические исследования. Ч. 1. Прологомены к чистой логике* (СПб.: Образование, 1909).

² Э. Гуссерль, «Философия как строгая наука», *Логос* 1 (1911).

³ Г.Г. Шпет, *Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы* (М.: Гермес, 1914); Г.Г. Шпет, *Мысль и слово. Избранные труды* (М.: РОССПЭН, 2005), 33–188.

⁴ Среди по крайней мере двух важных научно-организационных проектов Шпета следует упомянуть основание «Института научной философии» (подробнее см.: А.В. Черняев, Т.Г. Щедрина, ред. *Институт научной философии. Начало* (М.: Политическая энциклопедия, 2021)), а также исследовательские программы в Государственной академии художественных наук (ГАХН) в 1921–1931 гг.

активном состоянии, но при этом все же никогда не прерывалась, возобновилось в Советском Союзе уже во второй половине XX в. С тех пор относительно рецепции феноменологии в России существует целый ряд мифов. Некоторые из этих мифов уже сложились и в достаточной степени закрепились, некоторые еще находятся на стадии своего формирования. Пройдет еще несколько лет, и на них будут ссылаться как на всем хорошо известную историю и даже как на «общепризнанные факты». Пожалуй, самое время приступить к развенчанию хотя бы некоторых из них. Удивительно, но эти мифы касаются едва ли не всех сторон истории того, что происходило с феноменологией, преломляемой советским сознанием:

1) В первую очередь, заблуждение касается *времени начала* этого процесса. Его начало располагают либо слишком рано, едва ли не с первых лет открытия философии Гуссерля в России⁵, либо относят только лишь к 60-м гг. 2) Другое заблуждение касается того *круга авторов*, который, собственно, имел отношение к этому процессу. Здесь есть тенденция представить предметное поле как слишком широко, включить туда всех вообще исследователей, писавших в период оттепели о западной философии, так иногда и слишком узко: забывая многих, кто внес значительный вклад в изучение феноменологии даже без того, чтобы феноменология (или философия Гуссерля) была при этом главным объектом интереса. 3) На настоящий момент достаточно туманны также и представления о том, *как происходила* эта «вторая рецепция» феноменологии. 4) В критической

---

⁵ Она, как известно, действительно была довольно ранней. Здесь обычно ссылаются на перевод первого тома «Логических исследований» в 1909 г. как вообще *первый перевод* этого произведения на какой-либо другой язык (Viktor Moltchanov, «Russia», in *Encyclopedia of Phenomenology*, ed. by Lester Embree et al. (Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997), 614–619). Этот факт оценен и зарубежными исследователями (ср.: А. Хаардт, «Эдмунд Гуссерль и феноменологическое движение в России 10-х и 20-х годов», *Вопросы философии* № 5 (1994); Йозеф Зайферт, «Философия как строгая наука», *Логос* № 9 (1997)). Укорененность феноменологии в России, как кажется, также подтверждается публикацией некоторых его программных сочинений, практически без задержек выходящих на русском языке, а также известная история личных контактов российских философов с Гуссерлем и его коллегами.

литературе нет также и ясности относительно *результатов*, к которым такая рецепция привела.

В каких бы конкретных видах ни воссоздавали знакомство с феноменологией в России, период 50–60-х гг. оказывается наиболее «темным» во всей этой картине. Все как будто знают, что происходило в те годы, но мало кто по-настоящему читает, что было тогда написано. В общем, значение этого периода никак не совпадает со степенью знания о нем. Это и значит, что тот период функционирует теперь в роли мифологемы. Еще около года назад одно только указание на возможность существования этих мифов стало бы достаточным для нового погружения в историю, которая могла бы эту мифологию развенчать. Однако теперь обращение к этой истории требует отдельной легитимации. Культурно-историческая ситуация связана со следующими обстоятельствами. Советская в своей основе рецепция феноменологии продолжалась еще несколько лет после распада государства, на духовных окраинах которого она возникла. Она уступила при этом свое место исследованиям, все более походившим на те, что на протяжении десятилетий велись в странах т.н. капиталистического мира. Для этого нового этапа, начатого в 90-х, первые шаги в советском осмыслении феноменологии имели характер предварительной разметки проблемного поля, определения основных фигур, понятий, да и вообще, самой легитимации этой области как значимой для отечественной философии. Однако сегодня трудно отделаться от ощущения, что эта эпоха ушла окончательно: не только ситуация радикально изменилась, но цели, которые могли перед собой ставить в 60-е гг. философы, занимавшиеся феноменологией (или вообще любым другим направлением зарубежной философии), не являются более достижимыми. Это значит, определенная эпоха действительно ушла в прошлое, а значит, именно по этой причине может стать объектом отдельного исторического интереса.

Я исхожу из трех гипотез. 1) Героические годы освоения феноменологии в 60–70-х, имевшие огромное значение для того, чтобы исследование философии этого типа могло развиваться до историко-философской науки нормального типа, которую мы можем наблюдать уже в 80–90-х, но которая вполне проявилась

с 2000 по 2020 гг. – эта традиция начиная с 2022 г. достигла своего определенного завершения. Если воспользоваться терминологией Гуссерля: ретенция *прервана*, и культурно-исторический объект под названием «советская рецепция» феноменологии впервые стал доступен как нечто законченное. Именно потому он и стал доступен для рефлексии. 2) Для условий 60–70-х гг., в которых происходило знакомство с феноменологией, ее рецепция все-таки была заметным достижением, она заслуживает своей особой памяти. В особенности это касается исследовательской работы на протяжении десятилетий Нели Васильевны Мотрошиловой, вклад которой заслуживает специальной оценки. 3) Ввиду отмеченных выше особенностей рецепции феноменологии, формирование взглядов на нее оказалось связанным с большим количеством специфических для русскоязычных исследований клише и стереотипов, которые сохранились и после того, как отпали идеологические причины, отчасти способствовавшие их возникновению. Эти клише и стереотипы – а иногда даже и мифы – оказываются достаточно живучими и по сей день.

1930-е годы

Массовая эмиграция российских философов после Революции 1917 г. вскоре привела к тому, что знание трудов Гуссерля, занятия его философией стали делом экзотическим и даже опасным. Оно было опасно в целом – как любой вообще интерес к чему-то Западному, Капиталистическому, – а также как, в частности, интерес к *идеализму*⁶. На какое-либо снисхождение и, возможно, смягчение своей участи мог надеяться лишь тот, кто своевременно заметил бы в себе тлетворное влияние гнивающего Запада и без промедления, честно и открыто сообщил бы об этом. «Я прошу Вас сделать для меня возможным безболезненно оставить Пединститут. Истраченную на меня

---

⁶ Следует сказать, что «западное», «буржуазное», «капиталистическое», «идеалистическое» в то время воспринимались, как правило, в качестве близких, родственных характеристик.

сумму я обещаю выплатить <...>, – просит в 1935 г. один из студентов. Свою просьбу он объясняет следующим образом. «В результате усиленных занятий естественными науками <...>, а также вследствие изучения философии Спинозы, Гегеля, Бергсона, Гуссерля, В. Джемса, Вл. Соловьева, С. Франка и др., я, как мне кажется, окончательно пришел к объективному идеализму. <...> Я думаю, что работать педагогом мне с моим мировоззрением практически будет трудно. Пока не поздно, я хочу оставить пединститут»⁷. Последующая судьба студента 2-го курса Завалишина, добровольно сообщившего о своей идейной неблагонадежности, была, скорее всего, печальной. Философская позиция в то время мгновенно увязывалась с позицией гражданско-политической. Так уж были заданы сами границы «контрреволюционных разговоров» студентов, о которых доносили информаторы: «начиная от откровенной защиты буржуазных теорий до прямых угроз по адресу тов. Сталина»⁸. В то время с подобным мировоззрением было трудно не только работать, но и крайне опасно – жить.

Оказавшись фактически стерта из упоминания в учебниках и пособиях по философии в 30-е гг., феноменология отсутствовала как направление также и в 40-е. В поле зрения она не попадала поначалу потому, что концепция мировой философии заканчивалась Марксом – Энгельсом – Лениным как «вершинами» научной мысли. В соответствии с этим главной задачей было изложить историю домарксистской философии в Западной Европе и США, сделав акцент в первую очередь на теоретических источниках марксизма (классической немецкой философии, материализме Фейербаха и французских утопистах). Марксистская философия была представлена как последняя, завершающая философия, после которой ничего с научной и философской точки зрения значимого возникнуть не могло. Конечно, в 50–60-х гг. стало ясно, что философия после Маркса

---

⁷ Вилкс Шохин, «Записка о морально-политическом состоянии педагогических ВУЗов, март 1935, направленная в Бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) Н.И. Ежову», в *Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах* (М.: РОССПЭН, 1998), 108.

⁸ Шохин, «Записка», 108.

все-таки нуждается во внимании, ее необходимо анализировать как наглядную иллюстрацию кризиса буржуазного общества, а также как разнообразные учения, «искажающие» истину марксизма. Однако в 40-е гг. такой подход, допускающий саму возможность теоретической дискуссии между советской (марксистской) и западной философией, еще не утвердился. Все работы, выходявшие в те годы, отмечены сознанием эпохального противостояния – войны с фашистскими захватчиками⁹.

В 30-е гг. советской философии вообще нет еще дела до всех тонкостей и нюансов, которые могут быть связаны с особенностью того или иного западного течения. Речь идет о вещах «принципиальных»: является ли буржуазный философ представителем какой-либо формы идеализма. В случае положительного ответа всё прочее имеет значение лишь второстепенное. Ведь суть основного противостояния для советского философа того времени составляет борьба между идеализмом и материализмом¹⁰. В свою очередь, уже внутри враждебного лагеря, *внутри идеализма*, буржуазная философия может быть представлена различными тенденциями. Некто может, «исходя из релятивизма и витализма Дильтея», докатиться «до следования

---

⁹ *История философии*, т. III, *Философия первой половины XIX века*, под ред. Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина (М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1943), 2.

¹⁰ Эта догма советской философии является на протяжении всей ее жизни центральной; в годы наибольшего идеологического давления ее ритуальное воспроизведение является совершенно обязательным и встречается у авторов совершенно различного уровня. Ср.: «История философии есть история борьбы материализма и идеализма» (В.Ф. Асмус, «Некоторые вопросы диалектики историко-философского процесса и его познания», *Вопросы философии* № 4 (1961): 120). Ср. также: Б.Э. Быховский, *Враги и фальсификаторы марксизма* (М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1933), 25. При этом «идеализм, как ненаучное в своем основании мировоззрение, как догматическое мировоззрение, имеет предел для своего развития», а «материализм, как научное мировоззрение, беспределен в своем развитии» (ВФ. 1947. № 1. С. 401, Речь тов. Мильнера Я.А.). – Далее источники, не имеющие самостоятельного значения для обозначенных в статье тем цитируются без упоминания имени автора и названий, но с указанием журнала, номера и года [Где ВФ – «Вопросы философии» [журнал]. 1947 –).

мистическому вырождению феноменологии – М. Хейдеггеру»¹¹. В этих оценках начала 30-х характерны несколько деталей: для советского автора еще не существует не только никакого экзистенциализма, но и экзистенциальной философии¹². Идеализм / материализм – основная схема. Единственный «приговор», не предполагающий помилования, – приговор в «идеализме». Несколько позже советская философия разработает специальный кодекс, свод основных линий критики «буржуазной философии», и тогда «идеализм» перестанет быть главным обвинением. Тремя основными постулатами этого свода стали: а) «реакционная сущность» западной буржуазной философии; б) «иррационализм»; в) «пессимизм». Расшифровка этих постулатов не входит в задачи данной статьи, ограничимся поэтому их краткой характеристикой. «Реакционная сущность» (а) заключалась в том, что буржуазная философия считалась выразителем не прогрессивного социального класса (пролетариата), но именно буржуазии – а та, выполнив прогрессивную функцию на этапе перехода от феодального к капиталистическому способу производства, подошла пределам своего развития, став тормозом, ограничителем социально-экономического развития. Второй признак буржуазной философии, «иррационализм» (б), указывал на одну из причин, по которой эта философия не может быть прогрессивной: потому, что не опиралась на единственно верные, т.е. научные основы – те, согласно логике советской доктрины, могли быть только материалистическими. Наконец, третья черта, «пессимизм» (в), вытекала из первых двух: реакционная, отстающая от жизни философия, не обладающая верной (т.е. научной, материалистической) методологией, с необходимостью должна была оказываться неспособной вскрывать реальные законы развития человека и общества; оказываясь в этом смысле бессильной, она была, конечно, также и «пессимистической».

---

¹¹ Быховский, *Враги*, 25. – Здесь и далее транскрипция имен западных философов дается по авторскому тексту.

¹² Хотя, как могло бы показаться, у Быховского имелись для этого некоторые основания: обличение им буржуазных «искажений» марксизма упоминает это обозначение.

1940-е годы

В 40-е гг. в Советском Союзе закладывается основа той периодизации историко-философского процесса, которая в практически неизменной форме сохранится и по сей день. В ходе знаменитого обсуждения «Истории философии» под редакцией Александрова высказывается недовольство тем, «что в книге совершенно не освещена история современной философии. История философии излагается в книге только до возникновения марксизма (до 1847 г.) и на этом заканчивается» (ВФ. 1947. № 1. С 414). Между тем изучение истории философии «должно подготовить читателя к пониманию ленинского этапа в развитии философии диалектического материализма и борьбы против современных буржуазных идеалистических теорий. Для этого в учебнике должны быть специальные разделы, посвященные: 1) дальнейшему развитию марксистской философии Лениным и Сталиным (ленинизм является высшим достижением не только русской, но и всей мировой, следовательно, и западноевропейской, культуры) и их борьбе против новейшей западноевропейской буржуазной философии; 2) критическому рассмотрению важнейших направлений западноевропейской буржуазной философии второй половины XIX и XX века <...>». Именно здесь, наряду с позитивизмом, неокантианством, неогегельянством, «махизмом», прагматизмом и «интуитивизмом» упоминается «феноменологизм» Гуссерля (там же, 415). Все эти течения в целом характеризуются как *реакционные*¹⁵. Это, конечно, философия *эпигонов*. Однако «это не мешает ей играть большую роль в идейной борьбе, причинять огромный вред, развращать сознание интеллигенции и даже более широких масс, служить силам империалистической реакции» (там же). Эти положения имеют для нас следующее значение. Во-первых, определено, наконец, место той философии, которую представлял Гуссерль: это один из видов философских систем эпохи *империализма*. Иными словами, это философия принципиально иного типа. Не только в том дело, что она «позже».

---

¹⁵ Хотя «имеются и прогрессивные, демократически настроенные, передовые ученые» (там же, с. 416).

Она – одно из философских построений *после Маркса*. Это значит, что советский философ должен быть менее снисходительным¹⁴. Эти, с позволения сказать, «философы» уже более или менее сознательно *выбрали* для себя научную стратегию не следовать великим, научно единственно верным идеям марксизма. Во-вторых, безотносительно к тому, каково могло быть индивидуальное мировоззрение этих философов, еще более важным обстоятельством является то, что они объективно включены в мировоззренческую борьбу между двумя типами обществ, борьбу *идеологическую*¹⁵.

Во второй половине 40-х гг. СССР находится «на подъеме»: на стадии расширения своего влияния в восточно-европейских странах. Соответственно крепнущему мироощущению уверенности и правоты ставятся и предельно масштабные задачи. В обсуждении учебника Александрова звучит вполне конкретный наказ: «раскрыть процесс развития философской мысли как процесс наиболее обобщенного идеологического отражения всего хода общественного развития» (ВФ. 1947. № 1. С. 394). Для того чтобы с этой задачей справиться, «нужно знать не только философские тексты, но и всю историю эпохи, нужно знать значительно больше, чем знали и знают буржуазные исследователи истории философии» (ВФ. 1947. № 1. С. 394). Всё это было необходимо для демонстрации величия социализма также и области философии, ведь «если мы могли бы выступить на международной арене с серией первоклассных монографий и с общим курсом, дающим глубокое научное освещение истории философии, то разве это не было бы сильнейшим ударом

---

¹⁴ Все эти «границы толерантности», разумеется, подвижны. «Платон – это не такой уж безобидный и далекий враг, как это может показаться на первый взгляд. Платон мертв, но идеи его живучи», причем именно через «таких заклятых идеалистов XX века, как Анри Бергсон и Эдмунд Гуссерль» (ВФ. 1947. № 1. С. 468; из речи Э.Г. Фишера). Что касается «Хейдеггера», то его в 1947 г. тоже помнят. Он – «мракобес-“философ”» (ВФ. 1947. № 1. С. 180–181).

¹⁵ Как и вся философия в целом, история философии, анализ «буржуазной современности» – «необходимейшее оружие для решительной борьбы с враждебными марксизму-ленинизму течениями» (ВФ. 1947. № 1. С. 180).

по всей буржуазной философии сегодняшнего дня?» (ВФ. 1947. № 1. С. 394).

В какой мере идеологические задачи, которые ставила партия перед советской философией, и в частности перед историей философии, вообще могли быть выполнены? Могли ли выполняться это требования применительно к исследованиям феноменологии? Формально указания партии принимались в качестве руководства к действию практически мгновенно. Уже в 1948 (авторское предисловие помечено январем этого года) выходит «Очерк диалектического материализма»¹⁶, в котором автор с первых же строк заявляет, что «стремился учесть уроки и итоги философской дискуссии по книге Г.Ф. Александрова», а также «показать, как партия Ленина – Сталина руководствуется марксистским диалектическим методом и марксистским философским материализмом в своей практической деятельности»¹⁷. Для Гуссерля это означает следующее. Он (вместе с А. Бергсоном) принадлежит к новому этапу «деградации буржуазной философии последних десятилетий», к «алогизму», т.е. отказу от рационального научного познания, всяческому принижению логического мышления, Гуссерль – представитель иррационализма и интуитивизма, он «воскрешает средневековую схоластику». Тем самым «Гуссерль поднял знамя борьбы против науки, против научно-исследовательской деятельности»¹⁸. Не забыта и новейшая французская философия. «Модным течением в современной буржуазной философии является так называемый экзистенциализм <...> для которого характерна теснейшая связь с иррационализмом, интуитивизмом и другими реакционными течениями. Основной философской посылкой этого модного течения является утверждение “Экзистенция (т.е. существование) предшествует сущности”. В этом утверждении экзистенциализма существование объявляется лишенным сущности, внутренней необходимой связи между явлениями, лишенным причинно-следственной зависимости. <...> Философия

---

¹⁶ М.А. Леонов, *Очерк диалектического материализма* (М.: ОГИЗ. Госуд. изд-во политич. литературы, 1948).

¹⁷ Леонов, *Очерк*, 3.

¹⁸ Леонов, *Очерк*, 362–363.

экзистенциализма проповедует неверие в успех борьбы прогрессивных сил против сил реакции, пытается подорвать у борцов за свободу бодрость и уверенность в торжестве их дела»¹⁹. Там же мы встречаем ремарку: «широкое признание в США получили <...> реакционные идеи Гуссерля; ярким последователем философии Гуссерля в США является Марвин Фарбер»²⁰. Мы еще увидим, что имя Марвина Фарбера будет сопровождать историю изучения феноменологии в Советском Союзе на всем ее протяжении.

Но, задавая вопрос о выполнимости требований партии к философам 40-х, я имею в виду не только эти конкретные тексты. Вопрос имеет риторический характер, и мы задаем его в отношении требования, совершенно явным образом идеологического. Настолько же, насколько оно является по формально верным, настолько же оно являлось уже тогда демагогическим. К концу 40-х гг. в Советском Союзе не было практически ничего, что позволило бы выполнить поставленную задачу: 1) Не было *сообщества* ученых, для которых задача интерпретации какого-либо направления существовала бы не как идеологическая, а как научная. 2) Была *прервана традиция* исследований в этой области (кто ранее этим занимался – либо уже уехал, либо был репрессирован). 3) Отсутствовала (или была истреблена) собственная национальная традиция, с которой феноменологию можно было связать, с которой ее удалось бы соотнести²¹. 4) Отсутствовала в достаточном количестве *литература*, на основе которой это можно было делать. Ситуация несколько улучшилась после 1945 г., с появлением в Советском Союзе «трофейной» литературы, в том числе философской, в том числе и по феноменологии. Но в целом: «Те материальные средства, которые имеются в распоряжении Института философии

---

¹⁹ Леонов, *Очерк*, 364.

²⁰ Леонов, *Очерк*, 368.

²¹ Пусть даже немецкая феноменология была далека по своим интенциям от русской религиозной философии – однако тем или иным образом она в ней все-таки рецептировалась; однако и сама российская религиозная философия оказалась под запретом. В это же самое время феноменология успешно находила зацепки при рецепции во всех других национальных традициях.

Академии наук СССР <...> для организации такой необходимой работы, как реферативная и переводческая, до смешного ничтожны, принимая во внимание те поистине грандиозные задачи борьбы с буржуазной философией, которые перед нами стоят. А ведь каждодневно следить за обширнейшей периодикой, аннотировать громадное число вновь выходящих книг – задача абсолютно необходимая. Нет даже специального иностранного библиографа»²². 5) Отсутствовали социальные условия и социальная атмосфера, в которой вообще могло появиться теоретически свободное обсуждение, а не то, результаты которого должны были быть известны заранее²³. 6) Не сложилась еще практика воспроизводства кадров, которая ориентировала бы обучающихся на чтение каких-либо источников²⁴. Все шесть упомянутых недостатков могут создать впечатление, что речь идет хотя и о серьезных, но все же «локальных» недочетах, вполне конкретных проблемах, которые в принципе поддавались бы решению. Но дело было намного серьезнее: сам по себе социальный строй препятствовал развитию той формы рефлексии, каковой является философия. Он был враждебен не только философии. Перечислим только основные волны репрессий, пришедшиеся на вторую половину 40-х гг., т.е. на время, которое мы рассматриваем как начало нового этапа русскоязычной рецепции феноменологических идей. 1946-й г.

---

²² Из речи О.В. Трахтенберга; ВФ. 1947. № 1. С. 181.

²³ Это сознают и сами участники дискуссий того времени: «В своих резолюциях мы призываем самих себя смело ставить вопросы, предлагать новые решения, смело выдвигать спорные предложения. Но стоит кому-нибудь высказать такое спорное положение, как на него обрушиваются обвинения в немарксизме» (ВФ. 1947. № 1. С. 406). Помимо обязательной клятвы в приверженности марксизму требовались постоянные реверансы в адрес вождя («Конечно, никто из нас, работающих в области истории философии, марксистов, не предвосхитил глубокой сталинской теоретико-политической критики книги т. Александрова <...>» из речи тов. Я.А. Мильнера (ВФ. 1947. № 1. С. 401)).

²⁴ В этом отношении чрезвычайно показательными являются учебные планы того времени. В планах подготовки высших партийных кадров, например, хотя и упоминаются кафедры логики, а также истории философии, однако при этом в качестве литературы для обучения указываются *только* работы классиков марксизма-ленинизма.

памятен Постановлением оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», в которых разгромной критике были подвергнуты популярные в то время М.М. Зощенко и А.А. Ахматова, а заодно печатавшие их произведения журналы «Звезда» и «Ленинград» (последний был закрыт). На 1947-й г. пришлось начало показательной критики Г.Ф. Александрова и всего авторского коллектива за «политическую близорукость» при подготовке «Истории западноевропейской философии»²⁵. В 1948-м громили генетику, в последующие годы «досталось» химикам, экономистам. Именно в этой духовной обстановке власть начала новую программу создания новой, по-настоящему пролетарской философии. Одним из важнейших шагов в этом направлении стало основание журнала «Вопросы философии», первые номера которого как раз и были посвящены публичной критике «превратных», опасных для советского строя интерпретаций философии. Другим направлением было формирование отделений Академии наук СССР, с поименным согласованием философской элиты – ими стали назначаемые партийными органами «академики» и «члены-корреспонденты»²⁶ и соответствующие им институты; согласованию подлежал также и численный состав академических институтов²⁷. Руководство

---

²⁵ Об этой истории подробнее: Т.И. Ойзерман, «О сталинских академиках и взаимоотношении философии и власти в СССР», интервью брал Споров Дмитрий Борисович, *Устная история*, 17 октября 2012, <https://oralhistory.ru/talks/orh-1412/text>; Г.С. Батыгин, отв. ред. и авт. предисл.; С.Ф. Ярмолюк, ред.-сост. *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах* (СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999). Уже использованные нами цитаты относились ко второму (но не последнему) этапу этой дискуссии.

²⁶ На 1947 г. по «Отделению экономических, философских и правовых наук» академиками были Г.Ф. Александров, А.М. Деборин и М.Б. Митин; членами-корреспондентами: П.Н. Федосеев, П.Ф. Юдин.

²⁷ Судя по документам того времени, философии придавалось довольно большое значение: при 92 сотрудниках Институт философии уступал по численности только Институту экономики (197 чел.; в Институте истории искусств, Институте истории естествознания и Институте права – 59, 31 и 60 научных сотрудников соответственно) (В.Ю. Афиани, В.Д. Есаков, ред., *Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991*. Т. 2. 1952–1958 (М.: РОССПЭН, 2010), 81–82).

институтов, а также тематические планы исследований утверждались непременно на высшем партийном уровне. «В связи с тем, что Институт философии допустил в работе предшествующих лет серьезные ошибки, потребовавшие исправления, летом 1944 г. была произведена смена руководства Института. Новым руководством Института был составлен новый полуторагодовой план работы Института»²⁸. «Ведущими темами плана 1944–1945 гг. были определены следующие: 1) Составление учебников по диалектическому материализму, логике и психологии; 2) Вопросы развития марксистской философии в трудах В.И. Ленина и И.В. Сталина; 3) История западноевропейской философии конца XVIII и первой половины XIX в. (т. III «Истории философии»); 4) История русской философии (т. V «Истории философии»); 5) Разоблачение фашистской идеологии; 6) Анализ особенностей развития естествознания в России» (там же). Мы видим, что «зарубежной философии» как легитимной темы исследований в годы войны не существовало в принципе; заданным направлениям советские философы следовали²⁹.

Помимо этого, на уровне идеологии были специально оговорены также принципы, в силу которых исследование историко-философского наследия не должно было превратиться в исследование, но должно было оставаться делом оценок, наложения штампов, и, кроме того, отношение к зарубежным авторам было бы изначально настроенно-враждебное. Александрову вменяли в вину еще и то, что он оказался «в плену буржуазных историков философии, которые исходят из того, чтобы в каждом философе видеть прежде всего союзника по профессии,

---

²⁸ Из «Отчета Академии Наук СССР за 1944 год» по отделению истории и философии (Н.И. Кондакова, Г.А. Куманев, *Ученые-гуманитарии России в годы Великой Отечественной войны: Документы. Материалы. Комментарии* (М.: Светотон, 2004), 207–209).

²⁹ Задание обличать фашизм выдавалось в самом начале 30-х гг. и, разумеется, в 1941–1945 гг. (ср.: В.М. Познер, «Неогегельянская» разновидность социал-фашистской философии (Зигфрид Марк и его «Критическая диалектика») (М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1933); В.Ф. Асмус, *Фашистская фальсификация классической немецкой философии* (М.: Госполитиздат, 1942); Б.Э. Быховский, *Фельдфебели в Вольтерах (Фашизм и философия)* (М.: Госполитиздат, 1943).

а потом уже противника. Такие концепции, если бы они получили у нас развитие, неизбежно ведут к объективизму, к раболепию перед буржуазными философами и преувеличению их заслуг к лишению нашей философии боевого, наступательного духа» (ВФ. 1948. № 3. С. 8). Для обозначения этого греха был изобретен специальный термин: «объективизм». Объективизм – «прямая дорога к раболепию, угодничеству и низкопоклонству перед буржуазной культурой, дорога к буржуазному космополитизму», единственным противоядием против нее может быть только «ленинско-сталинский принцип партийности» (там же). Более поздняя риторика чаще всего не столь красочна, удовлетворяются формулировкой «подпасть под западное влияние».

Завершая эту краткую характеристику советской философии периода 40-х гг., отметим несколько обстоятельств. С точки зрения социальной в 40-е гг. продолжалась начатая в 30-х государственная политика по созданию новой, пролетарской интеллигенции³⁰, создавались условия для того, чтобы в философию пришли люди, для которых репрессии 20-х или 30-х гг. не являлись отчетливо осознаваемым фактом. С точки зрения содержательной никаких предпосылок для содержательно-проблемного рассмотрения западной философии в те годы не существовало.

Опасный родственник феноменологии: экзистенциализм

Путь Ж.-П. Сартра к феноменологии

В новейшей интеллектуальной истории XX в. довольно регулярно случается так, что одна философская традиция заявляет о претензии разъяснить идеи другой традиции. Начиная с 40-х гг. именно так происходило с феноменологией в интерпретации экзистенциализма. Почему так случилось? На этот счет есть самые разные разъяснения, вплоть до анекдотических.

---

³⁰ Подробнее см.: Б.М. Фирсов, *Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики* (СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008), 24 сл.

М.К. Мамардашвили, в присущей ему манере склонного к эпатажу трибуна, рассказывает о следующем эпизоде, якобы имевшем место в действительности. «В 1929 году (или 28-м) Сартр сидит в кафе с только что приехавшим из Германии социологом Гурвичем. И Гурвич рассказывает ему о новейших философских новинках – естественно, германских, что вот появилось течение, называемое феноменологией, и оно позволяет решить такую, например, задачу: феноменологически описать чернильницу – саму ее, как она есть. Услышав эти слова, Сартр, по словам очевидца, побледнел и сказал: это то, что я должен был сделать!» «Бледная немочь честолюбия»⁵¹, добавляет от себя к этой истории рассказчик. Конечно, Сартр во многом следует за Гуссерлем; в ряде случаев гуссерлевская проблематика подвергается у него упрощению и подгонке под задачи собственной философии, что очевидно по разработке Сартром теории воображения⁵². Однако даже учитывая самолюбие молодого Сартра и его стремление к славе (в которых он и сам признается), не стоит все же настолько тривиализировать уровень молодого французского философа. Эти истории напоминают, скорее, пересказ слов человека, листавшего исторические анекдоты в стиле Диогена Лаэртского, и больше сообщают о рассказывающем, чем о самом событии⁵³. Впрочем, многим эти истории

---

⁵¹ М.К. Мамардашвили, «О философии», *Вопросы философии* № 5 (1991): 9.

⁵² Жан-Поль Сартр, *Воображаемое. Феноменологическая психология воображения* (СПб.: Наука, 2001).

⁵³ Мамардашвили дает свою приукрашенную версию известной истории, в свое время рассказанной Симоной де Боувар (Simone de Beauvoir, *La force de l'âge* (Paris, 1960)); уже в 60-е она была хорошо известна по более точному пересказу В.Н. Кузнецова. Как сообщает Боувар, о Гуссерле Сартр впервые услышал от Р. Арона, вернувшегося из недавней командировки в Германию. «Во время беседы о немецкой философии, проходившей в кафе, Арон, указывая на поданный коктейль, сказал Сартру: “Видишь ли, дружок, если ты феноменолог, то ты можешь говорить о коктейле, и это будет философия!”. Сартр, – пишет Боувар, – побледнел или почти побледнел от волнения: именно этого он желал в течение многих лет: говорить о вещах, какими он их воспринимал, таким образом, чтобы это была философия» (В.Н. Кузнецов, *Жан-Поль Сартр и экзистенциализм* (М.: Изд-во МГУ, 1969), 26–27).

могли казаться достаточно правдоподобными, ведь за Мамардашвили закрепилась молва человека, «общавшегося с Сартром».

Если же обратиться к обстоятельствам и фактам, поддающимся проверке, то наиболее известное выражение притязаний экзистенциализма на интерпретацию феноменологии было представлено в 1943 г. книге Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто». Название этой работы недвусмысленно отсылает к «Бытию и времени» Хайдеггера, а подзаголовок – «Опыт феноменологической онтологии» – выражает претензию также и на то, чтобы работа французского философа представляла вклад в феноменологию³⁴. Вспоминая опыт своего знакомства с идеями Хайдеггера, Сартр указывает, что импульс, во многом случайный, был дан прочтением французского перевода хайдеггеровской лекции «Что такое метафизика?»³⁵ (1929; во французском переводе – 1931 г.). Второй шаг в этом знакомстве был сделан довольно быстро: «Я купил “*Sein und Zeit*”». Однако долгое время такое изучение не завершалось никаким удовлетворительным результатом. Представление, что Хайдеггер является «феноменологом», побудили Сартра начать с чтения Гуссерля. Моя ошибка, комментирует этот путь Сартр, заключалась в вере, что «можно последовательно изучать философов такого ранга, наподобие того, как изучают торговые отношения двух европейских стран». «Гуссерль захватил меня, – продолжает Сартр, – я на все смотрел через его философию, которая, впрочем, была для меня более доступной благодаря своему сходству с картезианством. Я был “гуссерлианцем”, и мне пришлось долго им оставаться»³⁶.

---

³⁴ И то, и другое осуществилось: Сартр долгое время начал восприниматься как наиболее авторитетный интерпретатор Хайдеггера. Также и в «феноменологическом движении» за Сартром было зарезервировано место (Г. Шпигельберг, *Феноменологическое движение. Историческое введение* (М.: Логос, 2002)).

³⁵ «Я прочел, ничего не поняв, “Что такое метафизика?” в 1930 г. в журнале “Бифюр”, – вспоминает Сартр (Ж.-П. Сартр, *Дневники странной войны сентябрь 1939 – март 1940*, пер. О. Волчек, С. Фокин (СПб.: Владимир Даль, 2002), 455).

³⁶ Сартр, *Дневники странной войны*, 455.

Согласно воспоминаниям Сартра, период наиболее интенсивной разработки собственной концепции – причем в опоре на Гуссерля и Хайдеггера, но также и в полемике с ними – относятся к 1939–1940 гг. Однако первые работы Сартра по проблематике гуссерлианской феноменологии относятся к 1936 г.³⁷ Они последовали за обучением в Берлине в 1933/34 гг. и были инициированы убеждением, что феноменология может оказаться для молодого философа наиболее соответствующим тому, что он искал тогда в философии. Этот интерес к феноменологии поначалу имел не очень оформленный характер, как выражается Сартр, характерное для французских студентов того времени «некое любопытство по отношению к феноменологии» он разделял наподобие того, как разделял «увлечение парижан зимними видами спорта»³⁸.

Важной особенностью этого интереса к феноменологии было то, что он шел по сложной траектории: «[поначалу непонятный] Хайдеггер – Гуссерль – снова Хайдеггер». Первый переход был мотивирован стремлением разобраться в природе феноменологии через обращение к изначально поставленным в ней проблемам. Второй переход произошел, когда «стали накапливаться трудности»; «<...> пропасть, отделявшая меня от Гуссерля, становилась все глубже и глубже: в сущности его философия переходила в идеализм, чего я не мог допустить». Сартр осознал, что «книги Гуссерля не давали мне никакого ответа. А его отрицание солипсизма было неубедительным и скудомным». «Понятно, – разъясняет Сартр, – что, стремясь выйти из этого гуссерлианского тупика, я и обратился к Хайдеггеру»; эту философию Сартр характеризует как «патетическую»³⁹.

Необычайная общественная и публикационная активность Сартра, заявляемая им позиция по достаточно широкому кругу философских вопросов и, наконец, магия «экзистенциализма», этого нового философского направления, которое рождалось публично, входило в мировую мысль как осененное близостью

---

³⁷ Jean-Paul Sartre, *L'Imagination* (Paris: PUF, 1936); Jean-Paul Sartre, *La Transcendance de l'ego* (Paris: Vrin, 1992 [1936]).

³⁸ Сартр, *Дневники странной войны*, 458.

³⁹ Сартр, *Дневники странной войны*, 457–458.

к представителям французского сопротивления, а потому *прогрессивное*, – все это делало Сартра как основного представителя этого направления главным, вызывающим наибольшее доверие интерпретатором феноменологии. И эта интерпретация, отметим еще раз, шла вразрез с тем, как представлял себе феноменологию Э. Гуссерль⁴⁰.

Таким образом закладывалась линия интерпретации идей Хайдеггера в контексте парадигмы, определяемой публично наиболее активным участником дискурса тех лет⁴¹. Эта интерпретация оказалась необычайно живучей, но довольно коварной по своим последствиям. Характерная для экзистенциализма критика разума и рациональности довольно скоро убедила всех, что это течение относится к *иррационализму*. Складывался примечательный набор «неоспоримых фактов»: 1) Современный экзистенциализм есть иррационализм. 2) М. Хайдеггер – крупнейший представитель экзистенциализма⁴². 3) Но, кроме того, Хайдеггер (это ведь всем известно) – «ученик Гуссерля».

---

⁴⁰ Гуссерль, конечно, не успел стать свидетелем триумфа экзистенциализма, однако в своих публичных выступлениях начала 30-х он уже упоминает наряду с антропологией и философией жизни проблему «экзистенции» («экзистенц-философия» позднее была включена в «экзистенциализм») в качестве одной из главных опасностей «подлинной» философии (Hua XXVII, 197; Edmund Husserl, «Nachwort zu meinen „Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie“», *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung* 11 (1930), 549).

Отмечая неправомочность (с точки зрения Гуссерля) движения «от Гуссерля к Хайдеггеру» и сосредотачиваясь на Сартре, я не беру сейчас этого вопроса в более широком контексте: в какой мере искаженными представлялись Гуссерлю уже самые первые шаги рецепции его феноменологии во французской мысли. Так, одному из своих собеседников он рекомендует «не опираться на какие-либо литературные изложения моей феноменологии (включая и новейшее, «Теорию интуиции в феноменологии Гуссерля» (1930) Э. Левинаса, который ставит на один уровень мою феноменологию и хайдеггеровскую, тем самым лишая мою ее подлинного смысла)» (HuaDok III/6, 458).

⁴¹ Ср.: Gustav Ramming, *Karl Jaspers und Heinrich Rickert. Existenzialismus und Wertphilosophie* (Bern: A. Francke A.G. Verl., 1948).

⁴² Иногда – «основатель» (ср.: Ю.М. Бородай, «Кант и современный иррационализм (Проблема продуктивного воображения)», *Вопросы философии* № 3 (1964): 118).

Что же можно заключить на основании этих простых и не вызывающих сомнения «фактов»? – Были опробованы «все два» возможных варианта. А) Философия Гуссерля есть также иррационализм. Б) Хайдеггер извратил изначально рационалистические устремления своего учителя, т.е. *он стал на путь иррационализма*. Мы еще увидим, что эти убеждения на определенном этапе развития советских исследований феноменологии будут определяющими, но продолжим разъяснения того, в какой мере феноменологии «не существовало» на момент начала второй волны ее изучения русскоязычными философами.

Результат: доминирование экзистенциализма

Исследования феноменологии совершенно явно запаздывают по сравнению с изучением экзистенциализма. К тому времени, когда в СССР феноменологию еще путали с феноменализмом (например, Э. Маха)⁴³, о философском течении, возникшем на основе некоторых идей, формально относимых к феноменологии, – течении экзистенциализма – знания имелись заметно более детальные; также на основе зарубежных авторов – либо из ГДР⁴⁴, либо симпатизирующих социализму из других стран. Поскольку Ж.-П. Сартр как главный на то время представитель экзистенциализма регулярно высказывался по вопросам марксизма, внимание к экзистенциализму как к легитимной теме проявилось довольно рано. Если в начале XX в. практически мгновенно выходят переводы на русский язык произведений Э. Гуссерля, то теперь с минимальным временным отрывом переводятся и издаются сочинения экзистенциалистов. Уже в учебном году 1950–1951 гг. студенты получают задание по изучению экзистенциализма⁴⁵. В те годы экзистенциализм образует, как

---

⁴³ Б. Бьярнасон, «К критике скептицизма», *Вопросы философии* № 1 (1959): 128.

⁴⁴ Георг Менде, *Очерки о философии экзистенциализма*, пер. А.Г. Мысливченко и Е.А. Фроловой (М.: Изд-во иностранной литературы, 1958).

⁴⁵ Из хроники научной жизни тех лет: «Следует обратить внимание на такие актуальные темы дипломных работ, как “Борьба французской компартии против экзистенциализма” (студент Грецкий)» (А.П. Гагарин, «На философском факультете Московского государственного университета», *Вопросы*

видно, довольно серьезную проблему, достаиваясь «полного букета» обличений⁴⁶. Труды экзистенциалистов затрагивали интересы советской философии в наибольшей степени. Одновременно они как будто сами предоставляли крайне выгодные инструменты для своей критики: «экзистенциалистов» можно было легко клеймить за «пессимизм», «абсурд» и «иррационализм»⁴⁷. Хотя идеологическая предустановленность сказывается на восприятии всех западных направлений философии того времени, Гуссерль в этих представлениях зачастую оказывается в компании последующей философии либо с теми, кто идентифицировал себя с феноменологией на протяжении сравнительно короткого времени, теми, кто вообще не мог быть объединен с ним в одну традицию⁴⁸. Для исследований Гуссерля это означало большую вероятность оказываться позднее «в одиночестве» и, соответственно, тенденцию, чтобы феноменология воспринималась преимущественно как *гуссерлианство*. (В Советском Союзе эта тенденция оказалась заметно более устойчивой.)

Предварительные выводы таковы: 1) программа исследований экзистенциализма в Советском Союзе планировалась

философии № 1 (1951): 217). Два года спустя именно благодаря этому студенту на русском языке станет доступна одна из важнейших интерпретаций экзистенциализма (Жан-Поль Сартр, *Экзистенциализм – это гуманизм*, пер. М. Грецкого (М.: Изд-во иностранной литературы, 1953).

⁴⁶ «Человеконенавистническая сущность» течения раскрывается следующим образом. Экзистенциалисты сеют «аморализм и порнографию», «заигрывают с рабочим классом», являясь при этом «лазутчиками реакции»; они «ведут пропаганду фашистской идеологии, воспевают в своих порочных произведениях гитлеровцев». Назван и главный ответственный. Это Ж.-П. Сартр, «ученик нацистского “теоретика” Хейдегера» (М.Д. Цебенко, «Борьба Коммунистической партии Франции против идеологии поджигателей войны», *Вопросы философии* № 4 (1951)).

⁴⁷ При том что реакция на экзистенциализм опережает внимание ко многим другим школам западной философии середины XX в., даже и здесь советская философия запаздывает почти на десятилетие (об этом: R.T. De George, «Heidegger and the Marxists», *Studies in Soviet Thought* 5 (1965): 289–290).

⁴⁸ Например, в последовательности «Гуссерль, Хайдеггер, Бергсон» (ср.: С.А. Эфиоров, «По поводу книги Ж. Ревеля “Зачем философы?”» J.F. Revel «Pourquoi des philosophes?»», *Вопросы философии* № 3 (1959): 181).

намного более заблаговременно, нежели что-либо подобное могло сформироваться в отношении феноменологии. 2) Связка «феноменология/экзистенциализм» в сознании философского сообщества была прочна – но не понята. Эта ситуация оказывается не в пользу как раз феноменологии. К тому моменту, когда российские философы смогли приступить к исследованиям феноменологии, условия для занятий Хайдеггером (и интереса к нему) оказались значительно более благоприятными, нежели возможность исследований Гуссерля. Хайдеггер был представлен к компании более тесно связанных с ним мыслителей: Кьеркегор, Ясперс, Сартр.

Отсутствующая феноменология

Об «отсутствующей» феноменологии я далее буду говорить в двух основных смыслах. Подразумевается: 1) систематический отход учеников и последователей Гуссерля от некоторых основных постулатов феноменологии – что создает впечатление утраты этим философским направлением своего влияния; 2) отсутствие «феноменологии» в современном понимании этого слова, т.е. как философского направления, которое было бы представлено более чем одним мыслителем. Наконец, имелся и один специфически российский смысл, подразумевавшийся в речах о феноменологии: уже более неактуальность этого направления. Разберем далее эти различные смыслы в приведенном порядке.

Уже в 50-х гг. трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля – то единственное, на чем могло держаться представление о «феноменологии», – постепенно теряет наиболее значимых авторов. Причем даже тех, кто ранее воспринимался в качестве ее наиболее аутентичных представителей. Ойген Финк (1905–1975), которого Гуссерль некогда воспринимал в качестве наиболее верного ученика⁴⁹, одного из немногих коллег,

---

⁴⁹ «Не следует читать никого, кроме Финка», – вот одна из известных рекомендаций Гуссерля. Кэрнс подтверждает эту рекомендацию: «Ойген Финк действительно был вторым по важности источником каких-либо знаний

кого Гуссерль в принципе готов был принять в качестве соавтора своих работ, – двумя другими были Хайдеггер и Ландгребе – уже в первые годы после смерти Гуссерля переосмысляет то, что ранее было основой и его собственной философской позиции. Относящиеся к 1940 г. наброски «Элементы критики Гуссерля» документируют скепсис едва ли не в отношении всех основных постулатов трансцендентальной феноменологии: чистого сознания, идеи редукции, максимы возврата к «самим вещам» и др.⁵⁰ В 50-х гг. Финк находит свои особые темы философии, а также свой язык. Они стали более близки стилю и проблемам философии Хайдеггера, чем к Гуссерлю⁵¹. В эти же годы Ландгребе также говорит о феноменологии как философии Гуссерля, признавая, что ее влияние «трудно оценить», не в последнюю очередь из-за того, что его опубликованные труды остаются лишь фрагментами общей философской программы мыслителя⁵². В меньшей степени, чем у Финка конца 50-х гг., у Ландгребе теперь также заметна, правда, в менее выраженной форме, критика, сходная с той, которую некогда озвучивал против Гуссерля Хайдеггер: он говорит о «внутренней двойственности, которая самим Гуссерлем, конечно, осталась незамеченной». Подразумевается следующее. Трансцендентальная редукция к чистому сознанию оказывается *de facto* всякий раз редукцией к моему одинокому Я, к *Solus ipse*, причем к себе самому, фактически находящемуся в своей исторической ситуации. «Однако именно эта “фактичность” моего бытия (Daseins), к которой меня ведут в конечной очевидности, которая в другом отношении уже давала о себе знать в понятии “жизни”, в осуществлении феноменологического метода

о феноменологии Эдмунда Гуссерля» (Dorion Cairns, «My Own Life», in *Phenomenology: Continuation and Criticism*, ed. Dorion Cairns, Fred Kersten and Richard M. Zaner (The Hague: M. Nijhoff, 1973), 9).

⁵⁰ О. Финк, «Элементы критики Гуссерля», пер. Г. Чернавина, *Логос* 26, № 1 (2016): 47–60.

⁵¹ Eugen Fink, *Oase des Glücks. Gedanken zu einer Ontologie des Spiels* (München: Karl Alber, 1957).

⁵² Ludwig Landgrebe, *Philosophie der Gegenwart* (Bad-Godesberg: Athenäum-Verl., 1957), 29.

теряется <...>⁵³. «Жизнь», «Dasein», «фактичность» – все это центральные понятия философии Хайдеггера, да и сам аргумент о необходимости более полного определения способа бытия того сущего, к которому предлагают вернуться в редукции, озвучивается Хайдеггером еще в середине 20-х гг.). Так обстояло дело с двумя из наиболее доверенных учеников Гуссерля. Не менее проблематичным могло представляться то продолжение, которое феноменология приняла в работах Романа Ингардена, исследования которого уже с 30-х гг. группировались в области, более точно характеризуемой как онтология искусства (с особым акцентом на феномен произведения литературы). Неясный статус исследований творчества Гуссерля, сменяющая друг друга популярность других философских направлений: сперва экзистенциализм, слава Хайдеггера, во многом усиленная этим экзистенциализмом, затем структурализм, новая волна позитивизма, – все это приводило к тому, что время феноменологии казалось пройденным.

Это умонастроение как нельзя лучше отразилось во многих публикациях тех лет и отчасти сохранялось вплоть до конца 60-х гг. Попытки возвращения к Гуссерлю и его феноменологии происходят в те годы, когда у всех достаточно отчетливое впечатление: время феноменологии уже ушло. Это впечатление было характерно и для западной мысли. В одном из значимых сборников вопрос о существовании феноменологии был даже вынесен в заголовок: «Жива или мертва феноменология?»⁵⁴.

В советской философии имелся свой аналог убеждения в неактуальности феноменологии. Надо сказать, для нее «прошедшим», неактуальным объявлялось вообще все, что становилось вдруг модным и популярным, угрожая таким образом оттянуть на себя внимание, забрав его от внимания к идеологии. «Вся модная философская литература в течение последних 30 лет обращается к именам Кьеркегора, Достоевского, Ницше, Фрейда, Макса Вебера, Шестова, Бердяева, Гуссерля, Хайдеггера,

---

⁵³ Landgrebe, *Philosophie der Gegenwart*, 35.

⁵⁴ Helmut Gehrig, Hrsg., *Phänomenologie – lebendig oder tot? Mit Beiträgen von Helmut Gehrig – Eugen Fink – Martin Heidegger – Ludwig Landgrebe – Max Müller – Hermann L. Van Breda* (Karlsruhe: Badenia, 1969).

Шеллера, Ясперса и т.д. Проводниками реакционных мистических идей во Франции явились Габриэль Марсель и Раймон Арон» (ВФ. 1961. № 2. С. 173 – орфография оригинала. – И.М.). Как видим, здесь назван едва ли не «весь цвет» философии XX в. Ссылаясь на переменчивость моды, симпатизирующий марксизму автор предсказывает скорый уход из сферы философского интереса многих философов, включая Гуссерля. «Нео-измы в буржуазной философии сменяются быстро. “Модные” философы перестают быть модными, им на смену выдвигаются другие. Вряд ли теперь кто-нибудь еще читает Кьеркегора. Померкла звезда Гуссерля, Ницше уже вышел из игры. Возможно, в 1960 г., в связи со столетием со дня смерти, привлечет внимание Шопенгауэр. В то же время довольно устойчивым оказался возврат к Бергсону: из 120 работ бакалавров, представленных в феврале 1959 г., 40 были посвящены Бергсону» (ВФ. 1961. № 2. С. 173).

Само понятие «феноменологическое движение» оказалось для феноменологических исследований XX в. значительным шагом вперед, развитием темы, поскольку это стало не только определенным возвращением к идеям феноменологического сообщества первых десятилетий XX в., но и связало с этой традицией идеи философов следующего поколения. Однако к началу 30-х ничто не указывало на возможность такого поворота. Трактровка «феноменологии» все больше шла в направлении понимания ее как исключительно личного философского проекта Э. Гуссерля. Понимание феноменологии как феноменологии *Эдмунда Гуссерля*, т.е. как *гуссерлианства*, закреплялось благодаря действию самых разных факторов.

Первая причина заключается в осознанных и систематических действиях Гуссерля. С конца 20-х гг. он делает все, чтобы за феноменологией закрепилось понимание как *его*, *гуссерлевской* феноменологии. Конечно, значительная часть разбросанных по письмам Гуссерля упоминаний «*моей* феноменологии» (с непременным ударением на этой принадлежности⁵⁵) имеет смысл разграничения различных трактовок, коих к тому времени действительно накопилось немало. Однако с начала 30-х все

---

⁵⁵ (HuaDok III/3, 96; ср. также: 144, 437, 449, 475).

чаще слышатся сожаления, что подлинный смысл *его* феноменологии не понят. Вторая причина заключается в том, что на следие некоторых мыслителей могло быть не менее убедительно отождествлено с другими не менее громкими по своей значимости рубриками. Шелер оказался пионером сразу в нескольких областях: философской антропологии, социологии знания; широкое признание уже при жизни получили его работы по этике и философии религии – все это позволяло и самому философу видеть возможность собственной реализации в других проблемных областях, а интерпретаторам оставляло возможность использовать другие категории для контекстуализации мыслителя.

В 40–50-х гг. понимание феноменологии идет и определяется от ее трансцендентальной версии Гуссерля, что вполне понятно – он один из трех наиболее известных ее представителей. Имеет значение также и «старшинство» и по возрасту, и по достижениям в этой области – количество и признание публикаций, новаторство высказанных идей и т.д. Кроме того, Гуссерль – не только единственный, кто сохранил приверженность к определению своей философии как феноменологической, но также последний из мыслителей, для кого это осталось главной и единственной характеристикой его философии.

1950-е годы

Начало 50-х гг. всецело наследует тону и линии обсуждения, заданному в 30–40-х гг. «Идеализм» по-прежнему является главным камнем преткновения, красной тряпкой, на которую реагируют советские философы. «Буржуазная философия в США пестрит названиями – прагматизм, персонализм, неореализм, логический эмпиризм, критический реализм, феноменология, релятивистский объективизм, объективистский реализм и т.д. и т.п. Сколько названий, сколько мудреных терминов! Но все эти философские школки есть не что иное, как старая схоластическая ветошь, старый идеалистический хлам, чуть подновленная средневековая идеалистическая абракадабра». При этом не так уж важно, на что ориентируются современные буржуазные

философы: на «мистику Платона и Фомы Аквинского <...> на идеализм Беркли и Канта», или же «находят высшую истину в феноменологическом мракобесии Гуссерля»⁵⁶.

Четыре закономерности рецепции феноменологии в 1940–1950-е гг. являются определяющими для этого периода. Во-первых, в послевоенные годы настроения противостояния с буржуазной философией остаются столь же сильными и определяющими основные идеи этого направления. Во-вторых, «феноменологии» как таковой в те десятилетия еще «не существует» – представление о ней только еще начинает формироваться (прежде всего в немецкой и американской мысли). Важным следствием этой особенности тех лет оказывается то, что феноменология понимается в первую очередь как исследование философии Эдмунда Гуссерля. В-третьих, ситуацию осложняет то, что подход к этой философии оказывается существенно трансформирован восприятием значительно более актуальных, важных и опасных для советской доктрины идей экзистенциализма. В-четвертых, освоение феноменологии идет в примечательном следовании западным интерпретациям, но вместе с тем также и борьбы с ними. Первая из этих закономерностей не требует подробной экспликации, тогда как три другие нуждаются в разъяснении. В 50-х гг. на Западе тоже встречаются спорадические упоминания фигур, имеющих отношение к феноменологии, однако они, во-первых, недоступны в Советском Союзе, а потому не становятся фактом научной жизни советского философского сообщества. Во-вторых, они зачастую являются не более философскими, чем оценки догматического советского марксизма⁵⁷.

---

⁵⁶ Л.А. Шершенко, «Борьба коммунистов и передовых ученых США против философии империализма», в Против философствующих оруженосцев американско-английского империализма, ред. Т.И. Ойзерман (М.: Изд-во АН СССР, 1951), 270–271.

⁵⁷ К ним относятся, в частности, характеристики, которые мы можем найти у Бердяева. «Гейдеггер принужден также признать смерть более высоким, чем *Dasein*, погруженное в обыденность, в *das Man*» (Н.А. Бердяев, *Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого* (Париж: YMCA-Press, 1952), 121).

Случай Марвина Фарбера

Случай Марвина Фарбера, одного из наиболее загадочных «проводников» феноменологии в советскую философию, заслуживает быть упомянутым отдельно. Этот философ одновременно и защищал Гуссерля с редко встречавшейся в таких случаях энергией, и критиковал его с не меньшей решимостью. Шпигельберг считает место Фарбера в феноменологическом движении особым еще и в том отношении, что он оказался одним из приезжавших учиться к Гуссерлю, кто сумел, наряду с Дорионом Кэрнсем и Ароном Гурвичем, «избежать влияния Хайдеггера»⁵⁸. Да, «избежать» влияния Фарберу действительно удалось. Но ситуацию можно описать еще более точно: в силу целого ряда причин Фарбер изначально занимает откровенно гуссерлианскую позицию по вопросу о том, что такое феноменология. Стремясь отстоять «методологический плюрализм» журнала, продолжающего и развивающего традиции немецкой феноменологии (*Philosophy and Phenomenological Research*. 1940 –), Фарбер оставляет возможность «плюрализма» главным образом для течений и направлений американской философии, в которой он сам укоренен. Но не для сомнительных для него «абераций» научной рациональной программы феноменологии.

На протяжении почти двух с половиной десятилетий имя Фарбера регулярно вспоминают в связи с феноменологией. «Широкое признание в США получили также реакционные идеи Э. Гуссерля; ярким последователем философии Гуссерля в США является Марвин Фарбер»⁵⁹. Может создаться впечатление, что, однажды «опознав» Фарбера как одного из наиболее активных сторонников феноменологии, советские философы затем воспроизводят одну и ту же формулу с незначительными вариациями. Почти в тех же выражениях спустя 3 года: «Большое распространение среди американской буржуазной интеллигенции, в особенности в академических кругах, получили реакционные идеи феноменологии Гуссерля. Особенно ярким

---

⁵⁸ H. Spiegelberg, *The Phenomenological Movement* (The Hague: Kluwer Academic Publ., 1994), 240.

⁵⁹ М.А. Леонов, *Очерк*, 368.

распространителем гуссерлианства в США является Марвин Фарбер, который основал журнал «Философия и феноменологическое исследование»⁶⁰. В середине 50-х между советским марксизмом и американским гуссерлианством разыгрывается одна по-настоящему интригующая история. В русскоязычных и зарубежных публикациях она прошла незамеченной. Начало было положено Б.Э. Быховским, главным «цербером» советского идеологического марксизма, публикацией статьи, в которой была, в частности, затронута позиция Марвина Фарбера⁶¹.

Свою критику Быховский предсказуемо строит на нескольких постулатах марксизма. Главные идеи таковы. «Основной вопрос философии» (о том, «что первично») самым непосредственным образом определяет предмет философии, по поводу которого всегда ведется борьба «лагерей» философии. Современные школы идеализма пытаются всячески этот «предмет» исказить, лишить философию ее настоящего предмета, так сказать, «распределить». Раскрыв пагубную роль логического позитивизма в этих усилиях, Быховский заявляет, что «самую активную роль в распремечивании философии» сыграла феноменология; ее задача заключалась в «очищении философии от объективной действительности». Автор имеет в виду, конечно, феноменологическую редукцию. Когда Гуссерль предлагает осуществление ряда методических процедур, благодаря которым из конкретного, явления мы получили бы определенным образом подготовленный продукт для анализа, это интерпретируется как «отрыв» от реальности или, иначе, попытка «деобъективации» философии⁶². «Стихией феноменологии является, по собственному признанию Гуссерля, “сфера фикций”, а не действительность». Марксистское решение «основного

---

⁶⁰ М.А. Дынник, «Американские буржуазные философы – апологеты империалистической реакции», в *Против философствующих оруженосцев американо-английского империализма*, под ред. Т.И. Ойзермана (М.: Изд-во АН СССР, 1951), 55.

⁶¹ Б.Э. Быховский, «Распремечивание философии», *Вопросы философии* № 2 (1956): 142–151.

⁶² Сходный подход в это же время демонстрируют и другие марксисты (ср.: Менде, *Очерки*, 161–163).

вопроса» философии оказывается под угрозой. Феноменологическое требование «воздержания от суждений» (эпохэ) и требование беспредпосылочности столь же ожидаемо интерпретируются как «пропаганда беспартийной философии»⁶³.

Именно здесь помянут и «председатель Международного феноменологического общества Марвин Фарбер», причем упоминание впервые не всецело негативное: хотя «его позиция явно утопична», Фарбер все же «пытается отмежеваться от реакционных выводов, вытекающих из феноменологии», он высказал «немало верных и метких критических соображений, направленных против наиболее реакционных приверженцев гуссерлианства»⁶⁴. Если следить только лишь за советскими публикациями тех лет, остается не вполне понятно, почему вдруг Быховский вновь обсуждает взгляды Фарбера, причем заметно более подробно и в значительно более мягких, нетипичных для этого автора выражениях. В начале 60-х в разделе «Критика и библиография» Быховский публикует скорее благосклонную статью о Фарбере. «Профессор и руководитель философского факультета Пенсильванского университета <...> Марвин Фарбер – один из виднейших представителей феноменологии, ученик Гуссерля, председатель Международной феноменологической организации и редактор известного американского журнала “Philosophy and Phenomenological Research”. В своей новой работе “Натурализм и субъективизм” проф. Фарбер дает глубокую оценку гуссерлианской феноменологии и примыкающих к ней течений. Превосходное знание автором материала, острая постановка вопросов и пронизательный анализ придают книге большой интерес»⁶⁵. Советского критика не устраивает в первую очередь сама концепция «натурализма», в которой он усматривает «нерешительный», «непоследовательный и стыдливый материализм», а также опасность отказа от «основного вопроса философии». Общий вывод потому по-марксистски решителен и определен: «Проф. Фарбер, убедительно доказавший идеали-

---

⁶³ Быховский, «Распредмечивание философии», 148.

⁶⁴ Быховский, «Распредмечивание философии», 148.

⁶⁵ Б.Э. Быховский, «На верном пути. Marvin Farber. Naturalism and Subjectivism. Springfield, 1969. 389 P.», *Вопросы философии* № 12 (1961): 159.

стическую природу феноменологического метода, не сумел убедить нас в научной ценности того, что остается от феноменологии, освобожденной от идеализма. Нужен ли философу предварительный анализ понятий и категорий, анализ, осуществляемый на самых высоких ступенях абстракции? Нужно ли рассмотрение категориальных логических структур? Разумеется. Но в этом ли суть феноменологии? То, что в ней верно, – не ново, не оправдывает ее как философское нововведение, а то, что в ней ново, – неверно, делает ее несовместимой с диалектико-материалистической методологией и теорией познания <...> Мы твердо убеждены, и книга Фарбера укрепила в нас это убеждение, что дальнейший научный прогресс будет также совершаться без помощи феноменологии»⁶⁶. При всей недвусмысленности этого заключения, отклик на книги Фарбера завершается неожиданно благожелательными словами. Несмотря на «серьезные и существенные расхождения», книга Фарбера характеризуется как «интересная и полезная», рецензент желает «успехов на пути» борьбы против «идеализма, фидеизма и иррационализма»⁶⁷.

Однако и эта публикация Быховского не закрывает тему «председателя Международного феноменологического общества Марвина Фарбера». Спустя 8 лет изменение тональности еще более разительно. Быховский в основном пересказывает американского автора, даже особенности Гуссерля как личности и стиля работы: «был одиноким, замкнутым, эзотерическим мыслителем». (Как известно, «врага» нельзя наделять личностными качествами – это мешает непримиримости борьбы с ним; доктринальная марксистская критика этому правилу следовала.) Иные слова находит Быховский и для феноменологии. «Можно по-разному относиться к этому учению, но без всестороннего знакомства с ним нельзя ориентироваться в современной борьбе двух лагерей философии»⁶⁸. Обсуждение взглядов

---

⁶⁶ Быховский, «На верном пути», 163.

⁶⁷ Быховский, «На верном пути», 165.

⁶⁸ Б.Э. Быховский, «Рецензия на издание: Marvin Farber. The Aims of Phenomenology. The Motives, Methods, and Impact of Husserl's Thought», *Вопросы философии* № 2 (1969): 169.

автора удивляет уважительным отношением. «Книга М. Фарбера – основанное на превосходном знании предмета критическое введение в изучение феноменологии Гуссерля. Было бы полезно, на наш взгляд, издать эту работу (хотя бы ее первую половину) на русском языке. – Так завершает свою рецензию Быховский. – Это, несомненно, обогатило бы на нашу до сих пор еще скудную литературу по феноменологии и способствовало бы повышению эффективности борьбы против этой разновидности идеализма»⁶⁹.

На протяжении всех двух последних рецензионных текстов Быховский демонстрирует неплохое знание по крайней мере трех монографических публикаций Фарбера, что по меньшей мере необычно, ведь Фарбер, пусть даже известный и влиятельный организатор феноменологических исследований, может казаться совсем не тем автором, за изучение трудов которого советский философ возьмется в первую очередь. Однако даже если учесть, что внимание к Фарберу было обусловлено его влиятельностью в западной философии как интерпретатора Гуссерля, знание всех публикаций представляется *необычно* детальным. Это обстоятельство объясняется тем, что Марвин Фарбер, все время своей работы в качестве популяризатора феноменологии тайно симпатизирующий марксизму, внимательно следил за публикациями советских авторов. Статья о «деобъективации философии» производит на него столь большое впечатление, что он даже включает в свою книгу о натурализме и субъективизме целые 3 страницы изложения взглядов Быховского – пожалуй, ни одной журнальной публикации Фарбер не уделял такого внимания. Очевидно, это становится поводом для установления контакта между двумя марксистами (архив М. Фарбера в Буффало хранит несколько писем, документирующих факт их личного общения). В редакции «Советской энциклопедии», куда Быховский был сослан за «идеологические ошибки», долгое время хранились несколько монографий Фарбера с дарственными надписями для Быховского, причем пометки на полях тех страниц, где Фарбер пересказывает позицию своего советского коллеги, отличаются особой плотностью.

---

⁶⁹ Быховский, «Рецензия», 169.

Итак, история общения двух марксистов по поводу Гуссерля приняла мирный оборот, однако на этом никоим образом не закончилась.

Случай Георга Менде

Обыкновенно считается, что работы П.П. Гайденко были первыми публикациями в нашей стране о Хайдеггере и экзистенциализме. Это мнение нуждается в уточнении. Первый текст о Хайдеггере и экзистенциализме появился на русском языке как минимум за 5 лет до публикаций Гайденко, и это была переводная монография еще одного зарубежного марксиста, оказавшего серьезное влияние на отечественные исследования в этой области. Георг Менде вполне может считаться одним из родоначальников российских исследований экзистенциализма. По всей видимости, Менде обладал абсолютным авторитетом в той области, которая более всего интересовала советскую философию. Убежденный марксист, в 1935–1937 гг. побывавший, по его собственным словам, в гитлеровских тюрьмах, он уже в 1931 г. познакомился с сочинениями Хайдеггера и Ясперса. «Только тот, кто уже тогда, в годы постепенного развития немецкого фашизма, сознательно стоял на стороне немецкого рабочего движения, – вспоминает Менде, – может понять ту затаенную злобу, которую вызывали все идеологические произведения, прямо или косвенно усиливавшие в пользу фашизма путаницу, и без того уже царившую в умах мелкой буржуазии»⁷⁰. Тогда же Менде начал записывать свои мысли о философии экзистенции, однако только по завершении войны возникшие в 1948–1954 гг. разрозненные очерки смогли быть опубликованы отдельной книгой. Спустя два года она и была издана в русском переводе. Издание 1958 г. использует термин «экзистенциализм» в качестве главного и единственного. Между тем титул и авантаитул этого издания – прекрасная иллюстрация того, как формировались советские представления об экзистенциализме. «Georg Mende / Studien über die Existenzphilosophie», на титуле

---

⁷⁰ Менде, *Очерки*, 4.

превращается в «Георг Менде / Очерки о философии экзистенциализма». Поскольку здесь мы затронули одну из судьбоносных аббераций, произошедшую с этой традицией в русскоязычном и англоязычном пространстве, необходима краткая справка, которая хотя бы указала на комплекс вопросов, требующих отдельного и подробного рассмотрения.

Во-первых, *немецкого экзистенциализма не существовало*. По крайней мере, нет никаких оснований говорить о нём до начала 50-х гг., когда немецкие исследователи начали «применять» к немецкой философии идеи Сартра. (Кстати, и сам Менде в своем «экзистенциализме» ограничивается критикой идей только лишь Кьеркегора, Хайдеггера и Ясперса.) А что же имело место? С некоторых пор в немецкоязычных публикациях утвердилось обозначение *Existenzphilosophie* (экзистенц-философия, философия экзистенции). Во-вторых, само это обозначение – результат сравнительно позднего эксперимента по вычлениению наиболее значимых «тенденции эпохи». Происходит это в монографии сравнительно малоизвестного доцента Фрица Хайнемана, пытающегося обобщить влияние философии жизни Дильтея, идей Ницше, «ренессанс» Кьеркегора в Германии и, конечно, опирающегося на роль, которую приобретает термин *Existenz* в «Бытии и времени»⁷¹. Хайнеман тут же начинает популяризировать свое терминологическое изобретение⁷², однако вполне употребительным оно становится лишь с 1935 г. – для этого понадобилось еще влияние 3-томной «Философии» К. Ясперса. «Экзистенцфилософия» становится необычайно популярным термином; его используют для того, чтобы суммарно обозначить идеи Хайдеггера и Ясперса.

Важно, что вплоть до конца 20-х гг. XX в. не существовало *ни одного прецедента* использования термина «экзистенция» для маркировки некоего нового направления в философии. Все эти годы (1919–1932 гг.) понятие экзистенции в трудах основных «пропагандистов» этой категории функционирует в *различных*

---

⁷¹ Fritz Heinemann, *Neue Wege der Philosophie. Geist/Leben/Existenz* (Leipzig: Verl. von Quelle & Meyer, 1929).

⁷² Fritz Heinemann, «Neue Wege der Philosophie: Eine Einführung in die Philosophie der Gegenwart», *Philosophy* 9, Nr. 33 (1934): 112–116.

смыслах, которые несовместимы друг с другом. Для Хайдеггера это понятие онтологическое, а вместе с тем «нейтральное», т.е. не включающее в себя никакой аксиологии; оно не характеризует никакой «большей» или «меньшей» полноты бытия, оно лишь должно обозначить бытие такого особого сущего как человек, закрепив таким образом его «особость». Для Ясперса же «экзистенция» есть понятие-ориентир, обозначающее *движение* человеческой субъективности. Также используя термин *Dasein* для обозначения человека, Ясперс отмечает, что это *Dasein* есть *возможная* экзистенция (Existenz).

Итак суммируем: 1) немецкого экзистенциализма не существовало; 2) экзистенц-философию «придумали» в 1929 г. К этим фактам можно добавить еще следующие. 3) До конца 30-х гг. не существовало и никакого «экзистенциализма», ни в немецком, ни во французском варианте. 4) Между прочим, до 1936 г. не существовало и никакой «экзистенциальной философии» – это вообще особый продукт перевода немецкой терминологии с немецкого на французский, а уже с него – на русский⁷⁵. 5) Наконец, «философия существования» (первый аналог того, что впоследствии станет «экзистенциальной философией») рождается в начале 30-х гг. XX в. как результат перевода немецкой проблематики на английский и французский языки; при этом смысл терминологической конкретизации «экзистенции» Хайдеггером и Ясперсом оказывается во многом утерянным: речь будто бы снова идет о «реальности», «существовании предметности» и т.п. Все эти обстоятельства имеют значение для понимания истории экзистенциализма, возводящего его

---

⁷⁵ Это требует отдельного обсуждения на материале французских сочинений и выступлений Л. Шестова (Chestov 1936; Chestov 1937), при неприменном обсуждении корректности передачи терминологической пары *existentiell* / *existential*, принципиальной для «Бытия и времени». Вкратце: традиционное *existentiell* затем начинают транскрибировать как «экзистенциальное», за счет чего *собственно* «экзистенциальное» (*existential*) – то, что Хайдеггер относит к онтологическим структурам, а не к состояниям, ситуациям (переживаниям, чувствам), – оказывается «затерто». (В переводе «Бытия и времени» В.В. Библихин решил эту проблему, *изобретя* для *традиционного* немецкого слова термин «экзистентный», сохранив, таким образом, для изобретенного Хайдеггером немецкого «экзистенциальный».)

то к Г. Марселю, то Достоевскому, если не к Паскалю и Августину. Еще более они будут иметь отношение к тупикам, в которых оказалось понимание феноменологии и экзистенциализма в 40–70-х гг.

Восточногерманский автор закрепил ряд штампов, которые будут использоваться еще долгое время. Перевод монографии Менде закрепляет выражение «экзистенциальное философствование» и делает акцент на его «ярко выраженном эмоциональном характере». Подразумеваются в первую очередь эмоции страха, заброшенности, замкнутости существования⁷⁴, идеологически экзистенциалисты остаются «в лагере империализма», Хейдеггер, «как и прежде <...> является апологетом империалистических мерзостей»⁷⁵, «мыслителем убогого времени» (известная формулировка К. Лёвита). Однако «ответственность за это нельзя возложить ни на бытие, ни на время», «виноват в этом исключительно сам Хейдеггер»⁷⁶. Модель критики, в соответствии с которой экзистенциализм есть выражение философии «отчаяния», обреченности и пессимизма, будет затем использоваться на протяжении еще почти десятилетия⁷⁷. Помимо двусмысленно-аморфного термина «экзистенциальное философствование», Менде закрепляет трактовку собственного (*eigentlich*) как «подлинного». Кроме того, автор не усматривает различия между терминами *Dasein* и *Existenz* (оба термина действительно *могут* переводиться одним и тем же словом «существование»), и потому известный тезис Хайдеггера об особом отношении такого сущего (*Dasein*), как человек, к своему бытию – это бытие терминологически предлагается маркировать термином *Existenz* – представляется ему нелепым каламбуром⁷⁸.

⁷⁴ Менде, *Очерки*, 10.

⁷⁵ Менде, *Очерки*, 19.

⁷⁶ Менде, *Очерки*, 25.

⁷⁷ А.А. Михайлов, *Философия обреченных* (Минск, 1962); М.Л. Чалин, *Философия отчаяния и страха* (М.: Госполитиздат, 1962); также: «упаднически-пессимистической доктрины» Э.Ю. Соловьев, «Экзистенциализм (Историко-критический очерк) (Статья первая)», *Вопросы философии* № 3 (1966) (ср.: «упадочная буржуазная идеология» (Менде, *Очерки*, 53).

⁷⁸ Менде, *Очерки*, 84.

Для последующих советских публикаций о Гуссерле печальные последствия будут иметь также отождествление автором «существования» (Менде имеет в виду *Dasein*) с *самосознанием*⁷⁹.

Основная линия критики экзистенциализма этой книги – идеологическая. Менде стремится показать «империалистическую сущность философии экзистенциализма, ее близость к фашистским тенденциям»: «Хейдеггер был фашистом и остался им до сегодняшнего дня», что же касается Ясперса, то он «не хотел и сегодня не хочет быть фашистом, но вследствие своей слепой ненависти к социализму он неизбежно попадает в тот же политический лагерь, что и Хайдеггер»⁸⁰; для представителей экзистенциализма характерна «лютая ненависть к мощно поднимающемуся демократическому движению народа»⁸¹. «Лжеучение, распространяемое Хейдеггером», «не является чистой бессмыслицей», оно имеет отчетливую общественную функцию: «отвлечь простодушных обывателей от действительных проблем и воспитать сознательных буржуа в духе империалистическо-фашистской элиты»⁸². В копилку словаря вражды, создаваемого советскими философами, Менде добавляет много сочных изобретений⁸³.

Значительная часть монографии Менде предлагает обсуждение проблематики «Бытия и времени»⁸⁴. Несмотря на то, что в этой книге это сделано с той степенью подробности, которая потом на десятилетия вперед не имела аналогов в русскоязычных публикациях (включая и книгу Гайденок об экзистенциализме)⁸⁵, читателю того времени пришлось бы изрядно потрудиться, чтобы вычленив за сплошь негативными и пренебрежительными оценками автора суть реальной

---

⁷⁹ Менде, Очерки, 101.

⁸⁰ Менде, Очерки, 37.

⁸¹ Менде, Очерки, 60.

⁸² Менде, Очерки, 70.

⁸³ «Хейдеггеровское бытие, скудно начиненное феноменологическим фаршем <...>», «паутина гуссерлевской фантазии» (Менде, *Очерки*, 90–91).

⁸⁴ Менде, Очерки, 100–160; 184–191.

⁸⁵ Отчасти это относится и к изложению философии Ясперса (Менде, *Очерки*, 206–215; 223–249).

проблематики. Но, по крайней мере, эти проблемы были названы.

При всей ограниченности анализа Менде, перевод его монографии вводит в научный оборот сразу две важные формулировки: «немецкий экзистенциализм»⁸⁶, а также тезис, что «экзистенциализм» это есть в первую очередь немецкая традиция (последний тезис впоследствии был затенен интерпретациями этой традиции с точки зрения французской философии). Первая формулировка вводит в заблуждение, вторая хотя бы указывает в направлении, которая заслуживала более пристального рассмотрения. Во всяком случае, монография Менде – последняя русскоязычная публикация об «экзистенциализме», по которой еще можно было реконструировать действительную историю этой традиции.

1960-е годы для феноменологии

Рождение феноменологии как направления

Возможно ли, чтобы нечто «начиналось» намного позже своего рождения согласно объективной хронологии? Полагаю, именно так и происходит с самой феноменологией как с движением. То, что не успело сложиться до 1933 г. (окончательное объединение школ и групп), как раз и совершается с началом Второй мировой войны и активно продолжается после ее окончания. С чего начинаются 60-е гг. для западных исследований феноменологии? К началу 60-х гг. в зарубежных исследованиях феноменологии происходят два важных изменения в связи с пониманием феноменологической проблематики. Первое связано с тем, что феноменология впервые начинает выходить из тени «индивидуально-личностного» философского направления и начинает рассматриваться в более широком контексте, а именно как часть более масштабного движения начала XX в. Она теперь

---

⁸⁶ Затем эта формулировка воспроизводится в: П.П. Гайденко, *Экзистенциализм и проблема культуры (Критика философии М. Хайдеггера)* (М.: Высшая школа, 1963); Соловьев, «Экзистенциализм».

представлена как *феноменологическое движение* (Шпигельберг). Второе изменение также связано с приобретением феноменологией большего веса. Теперь феноменология обсуждается также и в плане ее методологической роли в процессе познания. Новаторскими становятся здесь работы Штефана Штрассера⁸⁷.

Что касается доктринального аспекта советских исследований феноменологии 60-х гг., то они находятся в «бермудском треугольнике» восприятия этой философии как «иррационализма», просто «феноменализма»⁸⁸. Или же философская программа немецкой феноменологии находится в буквальном смысле в тени «Феноменологии духа»⁸⁹, автор которой переживает в это время несколько десятилетий (30–60 гг.) неослабевающей популярности. Парадигма, в которой рассматривалась любая вообще буржуазная философия вплоть до конца 60-х, определялась следующей матрицей. Эксплуатация трудящихся растет, вызывая обострение классовый борьбы. Противоречия капитализма обостряются; его обреченность становится все более очевидной. «Но капиталисты никогда добровольно от своего господства не откажутся»⁹⁰. «Выполнить идеологическую функцию

---

⁸⁷ Stephan Strasser, *Phänomenologie und Erfahrungswissenschaft vom Menschen Grundgedanken zu einem neuen Ideal der Wissenschaftlichkeit* (Berlin: Walter de Gruyter, 1964 [1. Aufl. 1962]).

⁸⁸ Феноменология достаточно долгое время понимается как выражение подхода, рассматривающего нечто в феноменальном аспекте. В этом смысле авторы иногда говорят о систематике элементарных частиц (ВФ. 1961. № 3. С. 128 сл.), или о «феноменологической трактовке» энтропии (ВФ. 1961. № 6. С. 147), т.е. в основном как о внешнем («феноменалистском») описании событий, фактов и явлений (ВФ. 1961. № 3. С. 5).

⁸⁹ Поначалу «феноменология» – это прежде всего феноменология гегелевская (*История философии*. Т. III, *Философия первой половины XIX века*, под ред. Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина (М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1945), 217–224; ср. также: ВФ. 1961. № 3. С. 181). Аберрации между гегелевской и гуссерлевской феноменологиями также закрепляют традицию перевода хайдеггеровского термина *Dasein* как «наличное бытие» (ВФ. 1961. № 3. С. 60).

⁹⁰ Л.И. Брежнев, *Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта 1966 года* (М.: Политиздат, 1966), 16.

защиты буржуазного строя призваны ныне не только разношерстные бульварные писаки, но во все большей и большей мере также и буржуазные философы и социологи-профессионалы». Соответственно, «кризис буржуазной идеологии находит свое выражение и в философии»⁹¹. Конечно, «далеко не все буржуазные философы непосредственно выполняют политические функции, как это делали Мартин Хайдеггер и Ганс Фрейер в фашистской Германии 30-х гг. или Карл Поппер в Англии и Сидней Хук в США 50-х гг.»⁹². Такая ситуация накладывает значительные ограничения на лексику, которой можно было пользоваться советскому философу. Доходило до случаев, которые сегодня кажутся пока еще труднопредставимыми. Так, например, еще в 60-х диссертанту, пишущему о Гегеле, приходится «полгода доказывать, что, говоря о гегелевской “Феноменологии духа”, без этого слова («дух». – И.М.) никак не обойтись»; возражение вызывает даже выражение «западные» интерпретации⁹³.

Русскоязычные публикации 60-х гг. имеют неровный, фрагментарный характер. С одной стороны, иногда даются верные оценки⁹⁴, однако в целом общая контекстуализация феноменологии, указание ее происхождения и места в современной

---

⁹¹ И.С. Нарский, «Кризис буржуазной философии на современном этапе истории и проблемы ее критики», *Философские науки* № 1 (1967), 3. Анализируя более ранние публикации Нарского о Хайдеггере (И.С. Нарский, «Понятия “нигилизма” и “ничто” в экзистенциализме М. Хайдеггера и антикоммунизм», *Философские науки* № 3 (1964)), западные наблюдатели верно отмечают, что это «не вклад в исследование Хайдеггера», поскольку в нем видят не философа, с которым спорят, а представителя Запада, чью идеологию отвергают» (De George, «Heidegger and the Marxists», 290–292).

⁹² Нарский, «Кризис буржуазной философии», 4.

⁹³ «Почему “западные”? – это как-то беспартийно звучит, тогда как наша философия, известно, “партийна”». – По рассказам Ю.Н. Давыдова о годах работы в Институте философии АН СССР (Батыгин, *Российская социология шестидесятых годов*, 387).

⁹⁴ «Интенциональная философия Гуссерля идет от Brentano, а своими корнями уходит к средневековой теологии» (ВФ. 1961. № 2. С. 173). Правда, эта констатация заимствована, скорее, из зарубежной исследовательской литературы.

философии иногда вызывают недоумение. Философию Гуссерля то характеризуют как «всецело умозрительное ответвление» психоаналитической (!) школы⁹⁵, то роднят с различными формами иррационализма. Вероятно, под влиянием общего доминирования французских интерпретаций, значительную часть школ и направлений современности пытаются свести к их прообразам во французской мысли. Феноменологию возводят даже к «зачинателям современного спиритуализма» Ройе-Коллар и Виктору Кузену, которые «являются прямыми предшественниками возникших позднее философских течений <...> завершением которых являются современный персонализм, экзистенциализм или феноменология. Феноменологи ссылаются на Мен де Бирана, но почему-то не признаются, что путь им открыл Ройе-Коллар» (ВФ. 1961. № 2. С. 171). Может показаться, что помещение феноменологии Гуссерля в контекст совершенно чуждых ей интеллектуальных традиций – случай в своей анекдотичности исключительный, однако подразумеваются, скорее всего, высказывания самих французских философов, пытавшихся найти «корни» модной философской традиции в собственной национальной культуре. Кроме того, ошибки относительно общих целей той или иной философии достаточно вероятны, ведь заключение об этих целях и задачах философских направлений приходилось делать на основании фрагментарного, ограниченного набора источников, а также вне возможности коммуникации с западными коллегами.

Как отвечали на вопрос об отношении между феноменологией и экзистенциализмом в советской философии? К середине 60-х считается установленным фактом, что феноменология (наряду с «философией жизни») оказала «большое влияние» на экзистенциализм⁹⁶. Во всех последующих изложениях «влияние» это так и оставалось таинственной сущностью. Полагали, что все дело в феноменологическом «методе», предложенном Гуссерлем, но получающем в экзистенциализме «иную

---

⁹⁵ *История философии в 6 т.* под ред. М.А. Дынника, М.Т. Иовчука, Б.М. Кедрова, М.Б. Митина, Т.И. Ойзермана, А.Ф. Окулова (М.: Наука, 1965), 5:304.

⁹⁶ *История философии в 6 т.*, 6:12.

трактовку»⁹⁷. В чем состоял этот метод, не раскрывалось. (Отметим, что любой из наиболее популярных претендентов на роль метода феноменологии – редукции, описания, интенционального анализа сознания, усмотрения сущности – вряд ли помог бы для разъяснения природы экзистенциализма.) Эта модель, повторяясь, многим в 50–60-е гг. представлялась достаточно естественной, однако если в Западной Европе и США она постепенно была скорректирована, в Советском Союзе (а потом отчасти и русскоязычных исследованиях) она была законсервирована. Поэтому временами эффект от чтения российских статей – как от посещения Кубы, где путешественник переносится в мир 50–60-х гг.

Идеализм как главный ориентир исследований

Мы показывали, что в общих чертах вся динамика историко-философского процесса советскому философу видится как борьба между материализмом и идеализмом; свое, родное, социализму классово близкое всегда имеет ту или иную степень близости материалистическому воззрению на мир, а все чуждое и враждебное – это, конечно, проявление «идеализма». Но мир сложен и многогранен. Вот и идеализм бывает двух типов: субъективный и объективный. В советских исследованиях начала 60-х Гуссерль по-прежнему предстает в качестве сторонника объективного идеалиста (ВФ. 1961. № 7. С. 132–140), теория значения Гуссерля «часто служит трамплином для рискованных метафизических спекуляций»⁹⁸.

К 1963 г. схема «субъективный»/«объективный» идеализм наконец используется для классификации двух наиболее интересующих нас течений философии XX в., с этой целью публикуют две обобщающие коллективные монографии, по каждой на обе разновидности идеализма. Несложно догадаться, что феноменология попадает в «объективный», а экзистенциализм – в «субъективный» идеализм. Эти сборники исходят всё из тех

---

⁹⁷ *История философии в 6 т.*, 6:16.

⁹⁸ В. Мальтуш, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», *Вопросы философии* № 7 (1961).

же постулатов: марксизм-ленинизм нанес по буржуазной идеологии «колоссальный удар». Кризис буржуазной идеологии проявляется в «кризисе философского мировоззрения», в «неспособности создать адекватную картину действительности»⁹⁹.

Вполне в духе этой вводной статьи представлена феноменология Гуссерля и у Мотрошиловой. Этот раздел коллективной монографии наполнен оценками, несправедливость которых не требует отдельной экспликации. «Формальный рационализм его концепции уступает место действительному иррационалистическому содержанию феноменологии». «Иррационализм у Гуссерля вырос в качестве неизбежного следствия предварительного обескровливания самого разума, подмены его действительной активности приспособлением к готовым идеям»¹⁰⁰. Все те идеи Гуссерля, которые спустя лет 10–15 Мотрошилова будет излагать как философски значимые, а спустя 40 настаивать на их непрременной важности: усмотрение сущности, редукция, интенциональность, проблема жизненного мира – подвергаются здесь опровержению как ошибочные¹⁰¹. Формулировки и оценки этого анализа хлестки и недвусмысленны (один из подзаголовков: «Гуссерль и иррационализм. Вместо открытой мистики – мистификация разума»). В отличие от вступительной статьи к сборнику, в разделе Мотрошиловой нет прямых апелляций к диалектическому материализму, нет жесткой оценочной риторики, которую мы видели в 40-х гг., однако марксистский пафос взгляда свысока присутствует здесь в полной мере: Гуссерль «напоминает *присяжного*

---

⁹⁹ Г.А. Курсанов, Н.С. Юлина, «Кризис буржуазной философской мысли и современный объективный идеализм. Вступительная статья», в *Современный объективный идеализм*, под ред. Г.А. Курсанова (М.: Соцэкгиз, 1963), 4–5.

¹⁰⁰ Н.В. Мотрошилова, «Феноменологическая философия и объективный идеализм», в *Современный объективный идеализм*, под ред. Г.А. Курсанова (М.: Соцэкгиз, 1963), 131.

¹⁰¹ Причем логику такого отвержения иногда трудно объяснить. К примеру, феноменологическая редукция означает для автора фактическое признание Гуссерлем существования «двух метафизически отгороженных субъектов: субъекта обычного познания и субъекта познания истины (феноменолога)» (Мотрошилова, «Феноменологическая философия», 138–139).

моралиста»¹⁰², «не интересуется действительной историей человеческого познания», «<...> выхватывает из исторической действительности <...>»¹⁰³, «заигрывает» с категорией «жизненного мира»¹⁰⁴, «“выдает” нечто за доказательство»¹⁰⁵, «не делает никакой попытки разобраться» в некоем вопросе¹⁰⁶. В общем, «перед лицом истории и науки гуссерлианство по существу само вынесло себе приговор»¹⁰⁷.

Во всех случаях, когда речь идет о таких авторах, как Н.В. Мотрошилова, П.П. Гайденко, Э.Ю. Соловьев, т.е. о тех, за кем закрепились слава первых исследователей феноменологии, мы исходим из презумпции наличия у авторов искреннего и добросовестного желания разобраться в материале. Если же не удастся реконструировать логику неверных и несправедливых оценок того времени, неизбежно возникает вопрос: что же именно определяет столь заметные искажения? Одна из гипотез связана с загадочным персонажем, уже появлявшимся в нашем изложении. Речь вновь о Марвине Фарбере, на которого неоднократно ссылается Мотрошилова¹⁰⁸, причем второй раз на все ту же книгу «Натурализм и субъективизм», которая стала центральным звеном, связавшим Фарбера и Быховского. Мотрошилова во многом повторяет тезисы Фарбера об ответственности Гуссерля за «иррационализм последователей, а также о необоснованном «субъективизме» феноменологических процедур¹⁰⁹. Мы уже говорили, что одной из причин этих интерпретаций марксистско ориентированных историков философии была изначально неверная разметка основных направлений западной философии и отчасти неизбежно вытекающая из нее «персоналистическая» ориентация истории философии.

---

¹⁰² Мотрошилова, «Феноменологическая философия», 133.

¹⁰³ Мотрошилова, «Феноменологическая философия», 148.

¹⁰⁴ Мотрошилова, «Феноменологическая философия», 145.

¹⁰⁵ Мотрошилова, «Феноменологическая философия», 130.

¹⁰⁶ Мотрошилова, «Феноменологическая философия», 149.

¹⁰⁷ Мотрошилова, «Феноменологическая философия», 152. Во всех приведенных цитатах курсив мой. – И.М.

¹⁰⁸ Мотрошилова, «Феноменологическая философия», 145; 153.

¹⁰⁹ Ср.: Marvin Farber, *Naturalism and Subjectivism* (Springfield Illinois: Charles C. Thomas Publ., 1959), 330 f.

На примере уже этих русскоязычных публикаций советского периода мы видим, что наступает некоторый качественно новый этап во взаимоотношениях между феноменологической и экзистенциалистской программами. Речь не только о том, что исследования феноменологии находятся в тени изучения экзистенциализма, но теперь уже и о том, что связь между этими двумя философскими традициями должна быть представлена в виде формулы. Однако как раз с этим обнаруживаются проблемы.

Мы говорили, что в 50-х гг. исследования феноменологии как философского направления далеко уступали аналогичным исследованиям экзистенциализма. Только начиная с 60-х гг. начали понимать, что феноменология – это потенциально нечто большее, чем только один немецкий философ (Э. Гуссерль). Это осознание начало укрепляться постепенно, после выхода эпохального труда Г. Шпигельберга¹¹⁰. К концу 60-х уже в зарубежных исследованиях становится общепризнанным фактом, что феноменология Гуссерля может рассматриваться как ядро «феноменологического движения»¹¹¹. «Феноменологическая философия» превращается теперь в данность, которую обыкновенно признают. Однако и теперь (причем точно так же, как и с экзистенциализмом) расширение исследований феноменологии происходило по «экстенсивной модели», в соответствии с которой каждый ученый находил в философской традиции свою область специализации, мало пересекавшуюся с областями других исследователей, а значит, не создавалось возможности диалога и коммуникации внутри расширяющегося таким образом сообщества.

Последовательно изучая советские публикации о феноменологии и экзистенциализме 60-х гг., мне не удается увидеть хотя бы примерное соответствие «мировому уровню». Самое большее, о чем может идти речь, – это процесс постепенной

---

¹¹⁰ Г. Шпигельберг, *Феноменологическое движение. Историческое введение* (М.: Логос, 2002).

¹¹¹ Eugen Fink, «Bewußtseinsanalytik und Weltproblem», in *Phänomenologie – lebendig oder tot? Mit Beiträgen von Helmut Gehrig – Eugen Fink – Martin Heidegger – Ludwig Landgrebe – Max Müller – Hermann L. Van Breda*, (Karlsruhe: Badenia, 1969), 9.

«нормализации» философского дискурса, приведения его к ритму спокойного, содержательного обсуждения, которое хотя бы не начинается с обвинений и приговоров. Такое спокойное обсуждение только и даст надежду, что нам расскажут что-либо о мотивах, подталкивающих философов к формированию тех или иных концепций, выдвижению тех или иных гипотез. Мы с грустью и надеждой регистрируем любые мелкие позитивные изменения этих десятилетий: вот перестали ругаться площадной бранью, вот клише и обвинения хотя бы не в каждом абзаце. Вот клеймо «философия буржуазной реакции» без лишнего шума меняют на «философию за рубежом». Вот проблеск чего-то, что явно можно толковать как расширение кругозора, общее смягчение нравов¹¹². Вот, наконец, хотя бы допускают возможность, что западные философы говорят о каких-то заслуживающих внимания проблемах... «Удивительно признание, – поражается британский обозреватель, анализирующий советские публикации в 1967 г., – что современные буржуазные философы ставят важные и жизненные вопросы. Ведь прежде все буржуазные философы только и могли кружиться в отчаянии, бесильные исправить свое печальное положение»¹¹⁵.

Иррационализм как ключевое слово

Публикации П.П. Гайденко

«Общие черты» буржуазной идеологии определяются теперь в целом так же, как и в 40-е гг.: «пессимизм, иррационализм, антикоммунизм»¹¹⁴. Вплоть до начала 80-х в стандартизированных изданиях по философии того времени, в первую

---

¹¹² Например, когда чаще начинают давать информацию о современной зарубежной философии. (Целых 6,5 страниц библиографии! (ВФ. 1958. № 11. С. 184–190))

¹¹⁵ T.J. Blakeley, «Current Soviet Views on Existentialism», in *Studies in Soviet Thought* 7, no. 4, 333–339 (1967), анализируя: В.В. Лазарев, «Экзистенциалистская концепция человека в США», *Вопросы философии* № 3 (1967).

¹¹⁴ В. Мальтуш, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», *Вопросы философии* № 6 (1961): 179.

очередь учебниках, иррационализм упоминается в качестве одной из трех «ведущих тенденций» идеалистической философии (наряду с двумя другими, менее распространенными обвинениями, «научообразным эмпиризмом» и «фидеизмом») ¹¹⁵. Вне зависимости от того, какова оценка каждым из советских философов кого-либо из представителей феноменологии или экзистенциализма, иррационализм становится едва ли не главной характеристикой. Первая публикация о Хайдеггере П.П. Гайденко, опубликованная ею после защиты кандидатской диссертации ¹¹⁶, о «фундаментальной онтологии» Хайдеггера ¹¹⁷, выносит приговор в «иррационализме» или регистрирует «борьбу» Хайдеггера с рационализмом едва ли не в каждом третьем абзаце статьи. В ее интерпретации Хайдеггер суммирует и систематизирует все аргументы против рационализма, которые немецкая буржуазная философия «намеренно или бессознательно» предлагала за последние полвека. Хайдеггер становится самым выраженным иррационалистом, потому что если ранее иррационалисты (Дильтей, Бергсон, Джеймс) «стремились лишь ограничить сферу влияния науки <...> но не ликвидировать ее вообще», то «Хейдеггер – один из первых, кто открыто заявляет, что наука не только теоретически несостоятельна, но и практически вредна: она является, по его мнению, основной причиной всех социальных неурядиц и общественного кризиса, ведет к гибели личности, ибо разрушает изначальное иррациональное “единство” человека и мира, являющееся будто бы опорой

---

¹¹⁵ М.Т. Иовчук, Т.И. Ойзерман, И.Я. Щепанов, ред. *Краткий очерк истории философии*. 3-е изд. (М.: Мысль, 1975), 712. Разумеется, из обоймы этих определений не исчезает и «пессимизм». «Идеалистическая философия по самому своему объективному положению в капиталистическом обществе враждебна прогрессивным силам <...> Будучи теоретическим самосознанием класса, идущего к упадку, она все больше проникается духом пессимизма <...>» (Иовчук, *Краткий очерк*, 711).

¹¹⁶ П.П. Гайденко, «Философия М. Хейдеггера как выражение кризиса современной буржуазной культуры» (Кандидатская диссертация. Экон. ин-т им. В.Г. Плеханова, 1962).

¹¹⁷ П.П. Гайденко, «“Фундаментальная онтология” М. Хейдеггера как форма обоснования философского иррационализма», *Вопросы философии* № 3 (1963).

всякой индивидуальной целостности и самобытности»¹¹⁸. Статья является примером тенденциозной, но при этом необычайно последовательной¹¹⁹ интерпретации, которую следует рассматривать, скорее, как документ эпохи, нежели разъяснение идей Хайдеггера. Подобные толкования опровергаются не полемикой с отдельными тезисами, а альтернативным изложением проблемы. Однако важным позитивным достижением является уже то, что советские авторы отходят от стилистики «ругательной» критики, характерной для 40-х и 50-х гг.

За год до диссертации и упомянутой статьи в работах П.П. Гайденко будет намечена еще одна линия в исследованиях Хайдеггера, спустя десятилетия она станет основной: исследование его философии вдоль проблемной линии времени, истории¹²⁰. Статья состоит из четырех частей; в первой автор принимает довольно искусственную, на мой взгляд, попытку привязать проблему истории у Хайдеггера к проблемам общества и общности Ф. Тённиса – это необходимо, чтобы подкрепить тезис следующих частей статьи о будто бы присущей Хайдеггеру «романтической идеализации общины». Разъяснение идейного контекста, в котором вызревает мысль Хайдеггера, далее происходит через идеи Шпенглера и Клагеса (с первым из них Хайдеггер полемизировал), но не через Дильтея (имевшего для Хайдеггера важнейшее значение). За следующими двумя разделами, в которых история сначала увязывается с проблемой метафизики, а затем борьба против метафизики «в действительности оказывается борьбой против рационализма»¹²¹, Гайденко сперва интерпретирует проблему искусственных дихотомических разделений, о которых много говорил Хайдеггер, сперва как проблему предметности, а уже ту – как перенесенную в гносеологическую плоскость Марксову проблему

---

¹¹⁸ Гайденко, «Фундаментальная онтология», 104.

¹¹⁹ П.П. Гайденко методично обнаруживает «иррационализм» во всех элементах хайдеггеровской проблематики: концепции «бытия-в мире», «расположенности», «феномена», понимания и др.

¹²⁰ П.П. Гайденко, «Философия истории М. Хайдеггера и судьбы буржуазного романтизма», *Вопросы философии* № 4 (1962).

¹²¹ Гайденко, «Философия истории М. Хайдеггера», 75.

отчуждения¹²². Автору кажется, что это вполне объясняет осуждение марксизма в некоторых поздних статьях Хайдеггера. Вмененное философу нераспознавание природы общественно-экономических отношений и романтическое превознесение искусства удачно сочетается с заключительной, четвертой частью статьи, в которой «идеализация общины в условиях буржуазного общества» сближает Хайдеггера с «идеологией фашистского государства»¹²³.

В начале 60-х монография «Экзистенциализм и проблема культуры»¹²⁴ становится важным событием в научной жизни. Мы имеем дело с первым исследованием Хайдеггера, которое обходится без ритуальных ругательств в адрес этого «буржуазного философа». Читатель может заметить несколько линий рассогласования между названием книги и ее фактическим содержанием. Аннотация указывает, что речь пойдет о «Мартине Хайдеггере, основоположнике экзистенциализма, одном из ведущих представителей современной буржуазной философии», и что необходимость такой работы обусловлена тем, что «в марксистской литературе не было еще работы, где была бы систематически рассмотрена и подвергнута обстоятельной критике философия Хайдеггера». Взглядам Хайдеггера в этой монографии действительно отводится центральное место, однако в анализе автор использует лишь некоторые ключевые произведения¹²⁵. Что сообщает этот текст об экзистенциализме, который вместо Хайдеггера вынесен в заголовок? Упоминание взглядов Кьеркегора можно найти на 6–7 страницах, но оно заметно уступает по объему изложению позиции К. Маркса. В книге практически отсутствует Ж.-П. Сартр, а краткие упоминания А. Камю

---

¹²² Гайдено, «Философия истории М. Хайдеггера», 76.

¹²³ Гайдено, «Философия истории М. Хайдеггера», 83–84.

¹²⁴ П.П. Гайдено, *Экзистенциализм и проблема культуры (Критика философии М. Хайдеггера)* (М.: Высшая школа, 1963).

¹²⁵ Это было замечено вскоре после публикации книги. «В своей библиографии Гайдено приводит список наиболее важных работ Хайдеггера, однако фактические цитаты ограничиваются только работами “Бытие и время”, “Неторные тропы”, “Учение Платона об истине”, сборнике “Выступления и статьи” и “Кант и проблема метафизики”» (De George, «Heidegger and the Marxists», 290).

служат скорее целям иллюстрации кризиса современного буржуазного мировоззрения. По аналогии с монографией Менде, можно предположить, что Гайденко решила сосредоточиться на «немецком экзистенциализме», однако за исключением двух-трех страниц в начальных частях книги речь о К. Ясперсе также не идет. Раздел, в котором Гайденко переходит к рассмотрению философии Хайдеггера¹²⁶, неожиданно увязывается с темой, которая немецким философом никогда не обсуждалась, – проблемой творчества. Очевидно, по замыслу автора, это должно было подвести к проблеме культуры. Каковы основания говорить о творчестве? Один из поводов для упоминания этой проблемы – ссылка на то, что, по мнению Хайдеггера, «в европейской философии вопрос о бытии не только не ставился, но и не мог быть поставлен»¹²⁷. От проблемы творчества это довольно далеко. Не связана с творчеством и хайдеггеровская онтология возможности¹²⁸. Трактовать эту категорию в смысле творчества представляется слишком большой натяжкой. Что понимается под «творчеством», в самой книге Гайденко не сообщает. Можно только догадываться, что это понятие увязывается с проблемой интерпретации, которую она считает субъективистской, ненаучной и волюнтаристской¹²⁹, однако здесь «творчество» использовалось бы в переносном, завуалированно критическом смысле: как «фантазия», создание чего-то, что не совпадает – как в хайдеггеровской интерпретации – с имевшим место (в действительности). Ни одна из этих трактовок не представляется убедительной¹³⁰. Но, как уже было ска-

---

¹²⁶ Гайденко, *Экзистенциализм*, 25 сл.

¹²⁷ Гайденко, *Экзистенциализм*, 25.

¹²⁸ Гайденко, *Экзистенциализм*, 40.

¹²⁹ Это согласуется с общим подходом Гайденко к экзистенциализму, который «<...> в основу личности <...> кладет принцип воли, своенравия» (Гайденко, *Экзистенциализм*, 17).

¹³⁰ Вполне возможно, под «творчеством» Гайденко подразумевает также потенциальный результат критики метафизики (создание нового, не метафизического мировосприятия). Круг тем, для характеристики которых П.П. Гайденко использует понятие «творчество», неоправданно широк. Творчество может быть отнесено не только к интерпретации, но и к пониманию. Ср.: «Уже в первых работах Хайдеггера проблема творчества выступает как проблема

зано, автор не предлагает других версий. Поэтому финальный вывод главы («не случайно центром внимания Хайдеггера становится проблема творчества»¹⁵¹) – недостаточно обоснован.

В заблуждение вводит уже характеристика основной темы «Бытия и времени». «Предмет рассмотрения Хайдеггера в его книге “Бытие и время”, – полагает Гайденко – человек, который выступает у него как *Dasein*, т.е. “бытие-сознание”, в отличие от *Vorhandensein*, т.е. “бытия-наличия”, или вещного бытия. Человек, по Хайдеггеру, должен стать исходным пунктом экзистенциальной философии <...>»¹⁵². Первая неточность касается человека как главной темы. Конечно, и сегодня есть исследователи, считающие, что в своей работе Хайдеггер фактически предложил вариант *антропологии*, а не онтологии, однако аргументы автора в пользу онтологии все-таки заслуживают хотя бы упоминания. Вторая неточность касается интерпретации *Dasein* как «бытия-сознания». Под влиянием гуссерлевского трансцендентализма подстановка «сознания» вместо «*Dasein*» была предсказуемой ошибкой восприятия (ср. «самосознание» у Г. Менде), однако и для этой интерпретации Хайдеггер повода не давал. Третья ошибка – в противопоставлении *Dasein* и *Vorhandensein*. Последнее – не какое-то бытие, противостоящее *Dasein*, а один из модусов, в котором для *Dasein* «дано» то, что мы обыкновенно называем «вещами» объективного мира: они могут присутствовать в мире в режиме повседневной невиденности, быть «под рукой» (*zuhanden*), или же по ряду причин становиться «замечаемыми», наличными (*vorhanden*).

Одной из задач данной статьи является прослеживание накапливающихся ошибок интерпретации определенных философских тем. Ошибок, на которые, бывает, даже спустя 60 лет после выхода книги так никто и не обратил внимание и которые оттого становятся основой для дальнейших исследований. Исключительно для этой цели упомянем еще два важных

интуиции <...>» (Гайденко, *Экзистенциализм*, 92). При этом проблема интуиции (у Хайдеггера, за исключением университетских лекционных курсов, практически не обсуждаемая) трактуется Гайденко как проблема понимания.

¹⁵¹ Гайденко, *Экзистенциализм*, 73.

¹⁵² Гайденко, *Экзистенциализм*, 8.

момента, которые стоит учитывать читателю этого в высшей степени достойного исследования. В восстанавливающей интерпретации нуждается концепция *Man* в «Бытии и времени»¹³³. К сожалению, не подходит ни одно из использованных автором разъяснений: а) *Man* – не «неподлинный» способ существования, Хайдеггер избегает введения оценочных категорий не в последнюю очередь потому, что они предполагали бы указание на «образцовое» состояние (по отношению к которому нечто только и можно было бы счесть «ненастоящим», «неподлинным»); б) некорректно разъяснять *Man* и как «погруженность человека в мир вещей» – озабоченное вовлечение человека в оперирование вещами Хайдеггер обсуждает в §§ 12, 15–16 «Бытия и времени», тогда как в §§ 25–27 анализирует *вторую*, родственную первой, но все же самостоятельную форму *не-собственного*, т.е. не к *себе* самому, но *вовне*, на «другое» ориентированного существования в мире; человек здесь погружен в мир того, что не он *сам*, но «люди» считают важным (правильным, истинным). Неверно также (в) разъяснять концепцию *Man* ссылками на понимание науки и у Ясперса¹³⁴. «Безличный характер» науки, одна из наиболее давних характеристик научного знания, есть феномен другого порядка, да и Ясперс эту хайдеггеровскую концепцию безличного существования не разделяет. *Man* не стоит считать также (г) иллюстрацией Марксовой проблемы отчуждения¹³⁵, ведь речь идет не об отношении между индивидами, не о том, будто субъект выступает как средство. Имеется в виду «установка», «ориентация» самого человека, причем она не связана с какой-либо особой общественно-экономической формацией.

Второе принципиальное искажение касается сразу трех центральных категорий «Бытия и времени», *Dasein*, бытия, истины. Мы видим, пишет Гайденко, «что когда Хайдеггер определяет истину через бытие, а затем через человеческое существование, то эти определения не противоречат друг другу, ибо для Хайдеггера нет бытия как чего-то независимого и внешнего

---

¹³³ Ср. Гайденко, *Экзистенциализм*, 11–14.

¹³⁴ Гайденко, *Экзистенциализм*, 12.

¹³⁵ Гайденко, *Экзистенциализм*, 13.

бытию сознания. Отсюда ясно, что когда Хайдеггер воюет против “субъективизма” метафизики, связывающей истину с познанием, а не с бытием, то он тем самым воюет не против субъективизма (как он сам говорит), а против рационализма прежней философии»¹³⁶. Здесь мы имеем отнюдь не определение «через», но совсем другое отношение. Действительно, *бытие* сущего делается явленным. Именно эту явленность бытия на самых разных уровнях – от до-концептуального (ср. § 32) и даже вообще пред-тематического (§§ 15–16) до выраженного в суждении Хайдеггер и предлагает считать имеющим отношение к *истине* (§ 44). Конечно, *истина* есть, лишь «покуда Dasein есть» (§ 44) – но это значит лишь, что мы говорим не о «вечной» истине, а о чем-то значимом для «субъекта» (при этом Хайдеггер, конечно же, не утверждает, будто истина тождественна субъекту или зависит от него).

В книгу «Экзистенциализм и проблема культуры» вошел материал статей, опубликованных Гайденом в те же годы, поэтому мы здесь также находим попытку объяснить Хайдеггера через Тённиса, Шпенглера и Клагеса¹³⁷. Точно так же, как и в других статьях, Гайденом выводится отсюда «романтизацию “почвы и крови”»¹³⁸, близость Хайдеггера «идеологии фашистского государства», а также тезис об «иррационализме» Хайдеггера.

Публикации Н.В. Мотрошиловой

Состояние исследований советских ученых в 50–60-х гг. участники и свидетели того времени зачастую характеризуют довольно оптимистично. «*Целый ряд статей о западных философах XX века оказался, я полагаю, вполне на уровне мировых исследовательских требований*, – пишет об этом периоде Н.В. Мотрошилова, – так что их можно без скидок сопоставлять с тем, что о Хайдеггере, Сартре или Ясперсе писалось на Западе, и с тем, что авторы соответствующих статей продолжали писать и думать позже, когда давление идеологических стереотипов

---

¹³⁶ Гайденом, *Экзистенциализм*, 64.

¹³⁷ Гайденом, *Экзистенциализм*, 76–80; 100.

¹³⁸ Гайденом, *Экзистенциализм*, 101.

ослабло или сошло на нет»¹³⁹. Это утверждение, для автора настолько важное, что выделяется курсивом, не кажется мне очевидным. В 50–60-е гг. все еще доминируют оценки западной философии, которые, как мы видели, далеки не только от научно адекватного изложения взглядов западных философов, но и едва ли укладываются в стандарты сколько-нибудь спокойно-го, уважительного обсуждения этих взглядов.

Первой концептуальной статьей автора, который уже очень скоро станет главным специалистом по феноменологии в СССР, является написанная в соавторстве статья, в которой философию Гуссерля пытаются – к сожалению, без особых успехов – привязать к философскому направлению, имеющему более сложное происхождение. Приведем основные тезисы этой публикации. «Антипсихологическая и рационалистическая по замыслу философия Гуссерля оказалась питательной почвой для произрастания экзистенциализма – иррационалистического направления, открыто отвергающего всякую претензию на то, чтобы считать философию наукой». Этот переход был «внешне неожиданным», но «на самом деле вполне последовательный». Происходило это так, что «в тот период, когда ученики Гуссерля терпели неудачу за неудачей в попытках применить феноменологический метод» к разным областям знания, «уже тогда бывший ассистент Гуссерля Мартин Хейдеггер обнаружил новую сферу опыта, которой сам автор “Логических исследований” старательно избегал»; феноменологические конструкции наложились на эту область «просто и естественно»¹⁴⁰. Вина и ответственность лежит не только на неумелых учениках, но и на самом Гуссерле: он «интерпретировал разум и науку таким образом, что экзистенциалистам оставалось, собственно говоря, лишь водворить иррационализм на те позиции, которые рационализм сдал именно благодаря гуссерлевской его “защите”»¹⁴¹.

---

¹³⁹ Н.В. Мотрошилова, *Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль* (М.: Академический Проект, 2012), 45.

¹⁴⁰ Н.В. Мотрошилова, Э.Ю. Соловьев, «От защиты “строгой науки” к утверждению иррационализма (философская эволюция Э. Гуссерля и немецкий экзистенциализм)», *Вопросы философии* № 5 (1964): 92–93.

¹⁴¹ Мотрошилова, «От защиты “строгой науки”», 100.

Таким образом, эта аргументация имеет форму: пусть и с благими намерениями¹⁴², но все же была построена философия, закономерным продолжением которой является иррационализм, «мистика» и «беспочвенный утопизм». Такой результат не может быть научно ценным – а следовательно, порочна и сама философия, приводящая к таким следствиям. В общем, опровержение гипотезы путем фальсификации всех необходимых из нее следствий. Проблема лишь в том, что каждый элемент сконструированной гипотезы является изначально ошибочным: а) практически никто, в общем, и не пытался применять «метод», на котором более всего настаивал Гуссерль (редукция), – у феноменологов из окружения Гуссерля, а также у следующих поколений возникали серьезные сомнения в том, что этот «метод» возможен (и перспективен) в том виде, в каком он Гуссерлем предлагался; б) не было никакой особой сферы, которой бы Гуссерль «избегал», но затем Хайдеггер ее обнаружил (да и самому Гуссерлю бы «пришлось» к ней обратиться)¹⁴³.

Опубликованная буквально спустя 4 года монография «Принципы и противоречия феноменологической философии»¹⁴⁴ – первая по-настоящему профессиональная (и на многие годы вперед – единственная) монография о Гуссерле и его феноменологии. Хотя и в ней сохраняются некоторые не вполне обоснованные характеристики «иррациональных» следствий гуссерлевской феноменологии, весь текст выдержан в совершенно

---

¹⁴² «Субъективная цель Гуссерля, возможно, и состояла в том, чтобы защитить сферу “чистой истины” от посягательств скептицизма и релятивизма» (Мотрошилова, «От защиты “строгой науки”», 100).

¹⁴³ Здесь авторы подразумевают «обыденное сознание с его ценностно-эмоциональными реакциями на действительность», «жизненный мир». Под «обыденным сознанием» советские авторы имеют в виду «естественную установку» (см.: Эдмунд Гуссерль, *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая*, пер. А.В. Михайлова (М.: Академический проект, 2009), §§ 27–28). Более поздняя гуссерлевская концепция жизненного мира начинает разрабатываться Гуссерлем лишь *в ответ* на анализ проблемы мира в «Бытии и времени», хотя сам термин встречается у него много раньше, уже в 1916–1917 гг. (Hua XXXIX).

¹⁴⁴ Н.В. Мотрошилова, *Принципы и противоречия феноменологической философии* (М.: Высшая школа, 1968).

другом, значительно более спокойном стиле, если бы не имя на обложке, мы вполне могли бы решить, что этот текст принадлежит совсем другому автору. Построенная в стиле краткого популярного введения в проблематику, эта монография дает представление об основных наиболее важных темах гуссерлевской философии (проблемы логики, основные принципы нового варианта наукоучения; проблемы естественной установки, сознания, редукции и др.). Она и по сей день может использоваться как источник для самого первого знакомства с феноменологией.

На фоне в высшей степени экзотических представлений о философии Гуссерля 50–60-х гг. и вообще о феноменологии как направлении философии XX в. статьи Мотрошиловой, пусть и имеющие справочно-учебный характер, пусть и критикующие Гуссерля за то, что не являлось проблемой в его философии, – эти статьи все же были важным шагом в направлении того, чтобы когда-либо потом, в будущем, изучение Гуссерля могло приобрести форму «нормальной науки», нормальной, конвенциональной истории философии. Авторы 50–60-х гг., вне всякого сомнения, ставили перед собой цели значительно более масштабные, однако сегодня мы можем судить: ни о чем другом, кроме задания более-менее корректных рамок для изучения философского направления, речи и не могло идти.

Кто же «феноменолог»?

Мы подходим к следующему непростому вопросу: кто, собственно, оказал наибольшее влияние на исследование феноменологической проблематики? Помимо «научного одиночества» каждого из советских философов, занимавшихся какой-либо из тем современной западной философии, понимаемой как отъединенность от зарубежных исследований, существовало также «одиночество» в смысле отсутствия сообщества, которое бы профессионально обсуждало вопросы соответствующих философских направлений современной западной философии. Одиночество в последнем смысле проистекало из достаточно тривиального факта, что в исследовании каждой

из обширных областей, обозначаемых ключевыми словами «экзистенциализм», «феноменология», «Гуссерль», «Хайдеггер», «Сартр», каждому советскому философу удавалось сосредоточиться лишь на какой-либо одной из областей, при почти неизбежной утрате общей перспективы. Приведем лишь несколько иллюстраций.

К исследователям феноменологии в Советском Союзе стало почти шаблонным причисление четырех имен: П.П. Гайденко, М.К. Мамардашвили, Н.В. Мотрошиловой, Э.Ю. Соловьева. Однако и здесь ситуация оказывается неожиданно непростой. О том, какое отношение к феноменологии имеют выступления и публикации Мамардашвили, следует говорить отдельно. В отношении двух других авторов 60–70-х гг., Гайденко и Соловьева, нетрудно показать, что *исследовательская* тематика была в каждом случае иной. Феноменология (или философия Гуссерля) если и затрагивались, то либо в популярно-обзорном стиле, либо как необходимо «сопутствующий» элемент экзистенциализма и других современных проблем философии. Для П.П. Гайденко таковыми были: романтизм, религиозная философия, экзистенциализм и Хайдеггер; для Э.Ю. Соловьева: И. Кант, идеи личности и права, а также экзистенциализм.

Основная линия, к которой мы неизменно возвращаемся в данной статье, нерешенность (а возможно, и принципиальная неразрешимость в те годы) проблемы феноменологии «и» экзистенциализма приводила к тому, что по изломам этого водораздела, иногда также символически обозначаемого как проблема «Гуссерля или Хайдеггера», стало проходить *тематическое размежевание интересов советской критической литературы*. Гуманитарно (и религиозно) ориентированная выберет для себя Хайдеггера и экзистенциализм; секулярно-позитивистски ориентированная – Гуссерля и его феноменологию. Гуссерль стал преимущественной темой Н.В. Мотрошиловой, а исследования Хайдеггера стали ассоциироваться – преимущественно с П.П. Гайденко. Из перспективы сегодняшнего дня все выглядит так, как если бы между двумя наиболее талантливыми исследовательницами советского периода шло невидимое соревнование. *Проблемным полем* этого соревнования стала область, основная для шестидесятников: проблемы (а) человека,

(б) *общества* и (в) *науки*. Каждой предстояло найти свой индивидуальный подход к этим трем важнейшим темам.

В случае Гайденко проблема человека нашла отражение в проблематике «сугубо личностного», персонального – *экзистенции*, а исследования *общества* пошлы по едва ли не единственно возможному тогда обходному пути: господствовавший тогда исторический материализм огибали через подчеркнуто «позитивный» подход к обществу, т.е. через его *социологические* исследования. В случае Мотрошиловой ориентация на индивидуально-личностное представлена исследованиями *сознания*. Этот исследователь отдал дань социологическому направлению, столь популярному для альтернативно настроенной интеллигенции 60-х гг. Только если Гайденко находит путь в социологию через М. Вебера, как известно, одного из величайших авторитетов для К. Ясперса, то Мотрошилова, во многом под влиянием научных интересов Ю.А. Замошкина, открывает для себя одну из американских концепций социологии – социологию знания (Р. Мертон и др.). Обе исследовательницы дали и свою версию историко-философского процесса, в обоих случаях, выстраиваясь от античности до современности, они претендовали на универсальный охват западноевропейской истории (два тома «Эволюции понятия науки» Гайденко¹⁴⁵ и «Рождение и развитие философских идей» Мотрошиловой¹⁴⁶). Основные сферы философского интереса были фактически разделены и не имели существенных пересечений. Из немецкого идеализма они сходились разве только в работах о Канте, в остальном же: публикации о Гегеле у – Мотрошиловой, тогда как Фихте и романтизм и *переводы* Гегеля – У Гайденко. Герменевтика и экзистенциализм – у одной, общество и социально-философские проблемы науки – у другой. Ни одна до поры до времени не заступала на территорию «чужой» области

---

¹⁴⁵ П.П. Гайденко, *Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ* (М.: Наука, 1980); П.П. Гайденко, *Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв). Формирование научных программ нового времени* (М.: Наука, 1987).

¹⁴⁶ Н.В. Мотрошилова, *Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты* (М.: Наука, 1991).

специализации¹⁴⁷; когда же этого было невозможно избежать, построения, которые возводились на новой территории, оказывались не особенно удачны ни для Н.В. Мотрошиловой¹⁴⁸, ни для П.П. Гайденко¹⁴⁹.

Стихийное разделение тем и областей, которое закладывается уже в конце 50-х гг., их относительная взаимная «непроницаемость» сохранится как факт и в последующие десятилетия; нам придется учитывать ее, разбирая оценки идей различных мыслителей, относимых к феноменологической традиции.

---

¹⁴⁷ Некоторые отдельные публикации – в т.ч. справочно-технического характера (П.П. Гайденко, «Гуссерль», в *Философский словарь*. 4-е изд. (М., 1980) (5-е изд., 105, 1986; 6-е изд., 101, 1991; 7-е изд., 138–139, 2001; 8-е изд., 167, 2009); П.П. Гайденко, «Гуссерль», в *Философско-энциклопедический словарь* (М.: Мысль, 1983) (2-е изд., 1989, 141–142)) – не в счет. В единственной научно-содержательной статье о феноменологии того периода. Гайденко, на мой взгляд, излишне прямолинейно увязывает Гуссерля с философией экзистенциализма (П.П. Гайденко, «Проблема интенциональности у Гуссерля и категория трансценденции в экзистенциализме», в *Современный экзистенциализм* (М., 1966)), зато удачно вскрывает связи феноменологии с традицией немецкого идеализма.

¹⁴⁸ Как известно, Н.В. Мотрошилова «овладевает» важным соседним (в истории феноменологического движения) плацдармом, выпуская в 1991 г. свою краткую версию биографии Хайдеггера (Н.В. Мотрошилова, «Драма жизни, идей и грехопадения Мартина Хайдеггера», в *Философия Мартина Хайдеггера и современность* (М.: Наука, 1991)), однако ее объемная статья есть по большей части лишь сокращенное переложение для российского читателя биографически-политического исследования Г. Отта (Hugo Ott, *Martin Heidegger: Unterwegs zur seiner Biographie* (Frankfurt am Main: Campus, 1988)), вышедшего несколькими годами ранее.

¹⁴⁹ П.П. Гайденко приступает к содержательному обзору феноменологии Гуссерля снова в 2006 г., однако ее анализ также следует навязанной рассматриваемому философу схеме. В этой поздней монографии слишком очевидна искусственность навязанной Гуссерлю роли: автор встраивает его в традицию «философии процесса» и даже философии жизни (П.П. Гайденко, *Время. Длительность. Вечность* (М.: Прогресс-Традиция, 2006), 347). Изложение идей Гуссерля выдает вторичное, «не из первых рук» знакомство с идеями философа в цитировании довольно известных принципов феноменологии, для разъяснения которых автор ссылается на *вторичную* литературу, пусть и принадлежащую достойным авторам (Г. Бранд, А. Димер, Н.В. Мотрошилова, В.И. Молчанов, А.Г. Черняков).

Таким образом, почти до середины 70-х Н.В. Мотрошилова оказывается «один на один» с Гуссерлем и феноменологией, и за ней вскоре закрепляется слава «автора единственной достойной советской работы по феноменологии», неортодоксального исследователя, а впоследствии – «главного историка философии в СССР»¹⁵⁰. Среди своих коллег и друзей-шестидесятников Н.В. Мотрошилова оставалась едва ли не единственной, кто занимался исследованием феноменологии в жанре ориентированной на источники дисциплины. А к тому времени, когда ее (в первую очередь) усилия начинают давать плоды, ее собственные интересы расширяются на другие области, по отношению к которым Гуссерль и феноменология не являлись центральными фигурами¹⁵¹. То, что было сказано об исследованиях феноменологии, в несколько меньшей степени было характерно и для экзистенциализма. Похоже и в этой области горизонтальные связи научного сообщества не сложились. Тем, кто исходил из парадигмальной связи «феноменология/экзистенциализм», было труднее анализировать каждое из этих направлений. Между тем разрозненные, ориентированные на «имена» исследования зачастую оказывались более информативными¹⁵².

---

¹⁵⁰ Эверт ван дер Звейрде, *Взгляд со стороны на историю русской и советской философии* (СПб.: Алетейя, 2017), 117.

¹⁵¹ Н.В. Мотрошилова, «К проблеме социальной обусловленности познания (из истории философии XVII–XVIII вв.)» (Докторская диссертация, Институт философии АН СССР, 1970); Н.В. Мотрошилова, «Социология познания», в *Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 5.* (М.: Сов. энциклопедия, 1960–1970); Н.В. Мотрошилова, «Проблема теории в западногерманской социологии», в *Современная философия и социология в ФРГ: некоторые направления и проблемы.* (М.: Мысль, 1971); Н.В. Мотрошилова, «США: наука и общество (итоги 60-х годов)», *Вопросы философии* № 7 (1972). См. также библиографию работ Н.В. Мотрошиловой, по которой это становится очевидно, см. в: М.Ф. Быкова, М.А. Солопова, ред. *Сущность и Слово. Сборник научных статей к юбилею профессора Н.В. Мотрошиловой* (М.: Феноменология-Герменевтика, 2009), 597–614.

¹⁵² В.Н. Кузнецов, *Жан-Поль Сартр и экзистенциализм* (М.: Изд-во МГУ, 1969); Л.И. Филиппов, *Философская антропология Жан-Поля Сартра* (М.: Наука, 1977).

* * *

Рассмотренные нами на избранных примерах четыре десятилетия попыток советской философии уяснить для себя природу основных течений западной философии XX в. складываются из десятилетия почти полного отрицания в наиболее воинственных формах любой философии и инакомыслия (30-е гг.), за которым последовало десятилетие формирования основных ориентиров и конкретных методических приемов для критики «современной буржуазной идеологии» (40-е). Плакатно-обличительный стиль обсуждения западных философов еще всецело доминирует в 50-х гг., однако уже в эти годы закладываются первые основы для первого шага на пути к профессиональному изложению проблем западной философии. В эти же годы формируется одна из проблем, так и не разрешенных советской философией: проблема взаимоотношения экзистенциализма и феноменологии; все силы идеологической борьбы направлены на экзистенциализм, феноменологию считают его основой. Это фатальное для восприятия в Советском Союзе обоих философских течений событие еще в полной мере определяет доминирующую характеристику обоих направлений как «иррационализма». В 60-е советская философия окончательно отходит от стиля площадной брани в адрес современной западной философии. Появляются первые профессиональные историко-философские и проблемные исследования феноменологии и экзистенциализма.

В 70-х гг. советская история философии делает следующий важный шаг вперед, отходя от гуссерлианства и открывая для себя широкую палитру феноменологических идей; известность феноменологии и внимание к ней начинают опережать популярность экзистенциализма. В 80-х гг. советская история философии XX в. впервые принимает форму «нормальной историко-философской науки»: это проявляется в публикации ряда тематических сборников, свидетельствующих о постепенном складывании профессионального сообщества. Однако подробная характеристика этих двух последних десятилетий советской философии – тема отдельного исследования.

Февраль – июнь 2023 г., Москва

Сокращения

- Hua XXVII – Husserl, Edmund. *Aufsätze und Vorträge (1922–1937)*. Herausgegeben von Thomas Nenon und Hans Rainer Sepp. In *Husserliana*. Bd. XXVII. Dordrecht: Kluwer, 1989.
- Hua XXXIX – Husserl, Edmund. *Die Lebenswelt. Auslegungen der vorgegebenen Welt und ihrer Konstitution*. Herausgegeben von Rochus. In *Husserliana*. Bd. XXXIX. Dordrecht: Springer, 2008.
- HuaDok III/3 – Husserl, Edmund. *Briefwechsel. Teil 3: Die Göttinger Schule*. Herausgegeben von Karl Schuhmann, Elisabeth Schuhmann. In *Husserliana. Dokumente*. Bd. III. Dordrecht: Kluwer, 1994.
- HuaDok III/4 – Husserl, Edmund. *Briefwechsel. Teil 4. Die Freiburger Schüler*. Herausgegeben von Karl Schuhmann, Elisabeth Schuhmann. In *Husserliana. Dokumente*. Bd. III. Dordrecht: Kluwer, 1994.
- HuaDok III/6 – Husserl, Edmund. *Briefwechsel. Teil 6. Philosophenbriefe*. In *Husserliana. Dokumente*. Bd. III. Dordrecht: Kluwer, 1994.

Список литературы / References

- Асмус, В.Ф. «Некоторые вопросы диалектики историко-философского процесса и его познания», *Вопросы философии* № 4 (1961): 111–123. (Asmus, Valentin F. «[Some Questions on Dialectics on the Process of History of Philosophy and its Cognition]». *Voprosy Filosofii* no. 4 (1964): 111–123. (In Russian))
- Асмус, В.Ф. *Фашистская фальсификация классической немецкой философии*. М.: Госполитиздат, 1942. (Asmus, Valentin F. [*The Fascist Falsification of the Classic German Philosophy*]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1942. (In Russian))
- Афиани, В.Ю., В.Д. Есаков, ред. *Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991. Т. 2. 1952–1958*. М.: РОССПЭН, 2010. (Afiani, Witaly Yu., Vladimir D. Jesakow, ed. *Academy of Sciences in the Decisions of Politburo of the RCP(b)–VCP(b)–CPSU. 1922–1991. Vol. 2. 1952–1958*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. (In Russian))
- Батыгин, Г.С., отв. ред. и авт. предисл., С.Ф. Ярмолюк, ред.-сост. *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах*. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. (Batygin, Gennady S., ed., foreword, S.F. Yarmolyuk, comp. [*Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents*]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1999. (In Russian))

- Бердяев, Н.А. *Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого*. Париж: YMCA-Press, 1952.
- (Berdyayev, Nikolai A. *The Divine and the Human*. Paris: YMCA-Press, 1952. (In Russian))
- Бородай, Ю.М. «Кант и современный иррационализм (Проблема продуктивного воображения)». *Вопросы философии* № 3 (1964): 118–128.
- (Boroday, Yuriy M. «[Kant and the Modern Irrationalism]». *Voprosy Filosofii* no. 3 (1964): 118–128. (In Russian))
- Брежнев, Л.И. *Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза*. 29 марта 1966 года. М.: Политиздат, 1966.
- (Brezhnev, Leonid I. [Report of the Central Committee of the CPSU to the XXIII Congress of the Communist Party of the Soviet Union], March 29, 1966. Moscow: Politizdat Publ., 1966. (In Russian))
- Быкова, М.Ф., М.А. Солопова, ред. *Сущность и Слово. Сборник научных статей к юбилею профессора Н.В. Мотрошиловой*. М.: Феноменология-Герменевтика, 2009.
- (Bykova, Marina F., Maria A. Solopova, ed. [Essence and Word. Collection of Research Articles for the Anniversary of Professor N.V. Motroshilova] Moscow: Phenomenology & Hermeneutics Publ., 2009. (In Russian))
- Быховский, Б.Э. *Враги и фальсификаторы марксизма*. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1933.
- (Bykhovskiy, Bernard. [Foes and Falsificators of Marxism]. Moscow; Leningrad: State socio-economic Publ., 1933. (In Russian))
- Быховский, Б.Э. *Маразм современной буржуазной философии (Об англо-амер. семантическом идеализме)*: Стенограмма публичной лекции, 26-го авг. 1947 г. М.: Правда, 1947.
- (Bykhovskiy, Bernard. [Marasmus of Contemporary Bourgeois Philosophy (On British-American Semantic Idealism)]. A Transcript of a Public Lecture, August 26, 1947. Moscow: Pravda Publ., 1947. (In Russian))
- Быховский, Б.Э. *Метод и система Гегеля*. М.: Госполитиздат, 1941.
- (Bykhovskiy, Bernard. [Hegel's System and Method]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1941. (In Russian))
- Быховский, Б.Э. «На верном пути. Marvin Farber. Naturalism and Subjectivism. Springfield, 1969. 389 P.». *Вопросы философии* № 12 (1961): 159–165.
- (Bykhovskiy, Bernard. «[On the Right Path. Marvin Farber. Naturalism and Subjectivism. Springfield]», 1969. *Voprosy Filosofii* no. 12 (1961): 159–165. (In Russian))

- Быховский, Б.Э. «Распредмечивание философии». *Вопросы философии* № 2 (1956): 142–151.
- (Bykhovskiy, Bernard. «[Deobjectification of Philosophy]». *Voprosy Filosofii* no. 2 (1956): 142–151. (In Russian))
- Быховский, Б.Э. Рецензия на издание: *Marvin Farber. The Aims of Phenomenology. The Motives, Methods, and Impact of Husserl's Thought*. *Вопросы философии* № 2 (1969): 166–169.
- (Bykhovskiy, Bernard. Review of *Marvin Farber. The Aims of Phenomenology. The Motives, Methods, and Impact of Husserl's Thought*. *Voprosy Filosofii* no. 2 (1969): 166–169. (In Russian))
- Быховский, Б.Э. *Фельдфебели в Вольтерах (Фашизм и философия)*. М.: Госполитиздат, 1943.
- (Bykhovskiy, Bernard. [*Feldfebels as Voltaires (Fascism and Philosophy)*]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1943. (In Russian))
- Бьярнасон, Б. «К критике скептицизма». *Вопросы философии* № 1 (1959): 121–131.
- (Bjarnason, B. «[On the Critique of Skepticism]». *Voprosy Filosofii* no. 1 (1959): 121–131. (In Russian))
- Гагарин, А.П. «На философском факультете Московского государственного университета». *Вопросы философии* № 1 (1951): 214–218.
- (Gagarin, A.P. «[At the Philosophical Faculty of the Moscow State University]». *Voprosy Filosofii* no. 1 (1951): 214–218. (In Russian))
- Гайденко, П.П. *Время. Длительность. Вечность*. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
- (Gaidenko, Piama P. [*Time, Duration, Eternity*]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2006. (In Russian))
- Гайденко, П.П. «Гуссерль». В *Философский словарь*. 4-е изд., 91. М., 1980. (5-е изд., 105, 1986; 6-е изд., 101, 1991; 7-е изд., 138–139, 2001; 8-е изд., 167, 2009).
- (Gaidenko, P.P. «Husserl». In *Dictionary of Philosophy*. 4th edit., 91. Moscow, 1980. (5th edit., 105, 1986; 6th edit., 101, 1991; 7th edit., 138–139, 2001; 8th edit., 167, 2009). (In Russian))
- Гайденко, П.П. «Гуссерль». В *Философско-энциклопедический словарь*, 132–133. М.: Мысль, 1983. (2-е изд., 1989, 141–142).
- (Gaidenko, P.P. «Husserl». In *Philosophical-encyclopedic dictionary*, 132–133. Moscow: Mysl Publ., 1983 (2nd edit., 141–142, 1989). (In Russian))
- Гайденко, П.П. «Проблема времени в онтологии М. Хейдеггера». *Вопросы философии* № 12 (1965): 109–120.
- (Gaidenko, Piama P. «[The Concept of Time in Heidegger's Ontology]». *Voprosy Filosofii* no. 12 (1965): 109–120. (In Russian))

- Гайденко, П.П. «Научная рациональность и философский разум в интерпретации Эдмунда Гуссерля». *Вопросы философии* № 7 (1992): 116–135.
- (Gaidenko, P.P. «[Scientific Rationality and the Philosophical Reason in Edmund Husserl's Interpretation]». *Voprosy Filosofii* no. 7 (1992): 116–135. (In Russian))
- Гайденко, П.П. «Проблема интенциональности у Гуссерля и категории трансценденции в экзистенциализме». В *Современный экзистенциализм*, 77–107. М., 1966.
- (Gaidenko, P.P. «[Husserl's Intentionality Problem and the Category of Transcendence in Existentialism]». In *Contemporary Existentialism*, 77–107. Moscow, 1966. (In Russian))
- Гайденко, П.П. «Философия истории М. Хайдеггера и судьбы буржуазного романтизма». *Вопросы философии* № 4 (1962): 73–84.
- (Gaidenko, P.P. «[Heidegger's Philosophy of History and the Destiny of the Bourgeois Romanticism]». *Voprosy Filosofii* no. 4 (1962): 73–84. (In Russian))
- Гайденко, П.П. «Философия М. Хейдеггера как выражение кризиса современной буржуазной культуры». Кандидатская диссертация. Экон. ин-т им. В.Г. Плеханова, 1962.
- (Gaidenko, P.P. «[Heidegger's Philosophy as an Expression of the Crisis of Contemporary Bourgeois Culture]» PhD diss., Plehanov Institute of Economics, 1962. (In Russian))
- Гайденко, П.П. «“Фундаментальная онтология” М. Хейдеггера как форма обоснования философского иррационализма», *Вопросы философии* № 3 (1963): 93–104.
- (Gaidenko, P.P. «[Heidegger's “Fundamental Ontology” the Grounding of the Bourgeois Philosophical Irrationalism]». *Voprosy Filosofii* no. 3 (1963): 93–104. (In Russian))
- Гайденко, П.П. *Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ*. М.: Наука, 1980.
- (Gaidenko, P.P. [The Evolution of the Notion of Science. Emergence and Development of the First Scientific Programmes]. Moscow: Nauka Publ., 1980. (In Russian))
- Гайденко, П.П. *Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв). Формирование научных программ нового времени*. М.: Наука, 1987.
- (Gaidenko, P.P. [The Evolution of the Notion of Science. 17th–18th Centuries. Emergence of the Modern Scientific Programmes]. Moscow: Nauka Publ., 1987. (In Russian))

- Гайденко, П.П. *Экзистенциализм и проблема культуры (Критика философии М. Хайдеггера)*. М.: Высшая школа, 1963.
- (Gaidenko, Piama P. [*Existentialism and the Problem of Culture (Critique of Heidegger)*]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1963. (In Russian))
- Гайденко, П.П. «Экзистенциализм». В *История философии*, Т. 6, кн. 2, 10–27. М.: Наука, 1965.
- (Gaidenko, Piama P. «[Existentialism]». In *History of Philosophy*. Vol. 6. Part 2, 10–27. Moscow: Nauka Publ., 1965. (In Russian))
- Гуссерль, Эдмунд. *Логические исследования. Ч. 1. Прологомены к чистой логике*. СПб.: Образование, 1909.
- (Husserl, Edmund. *Logische Untersuchungen. Bd. 1. Prolegomena zu einer reinen Logik*. St. Petersburg: Obrazovanie Publ., 1909. (In Russian))
- Гуссерль, Эдмунд. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая*. Перевод А.В. Михайлова, вступ. ст. В.А. Куренного. М.: Академический проект, 2009.
- (Husserl, Edmund. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die Reine Phänomenologie*. Übersetzt von A.W. Michailov. Moscow: Academic Project Publ., 2009. (In Russian))
- Гуссерль, Эдмунд. «Феноменология [Статья в Британской энциклопедии]». Предисловие, перевод и примечания В.И. Молчанова. *Логос* 1 (1991): 12–21.
- (Husserl, Edmund. Husserl Edmund. «Phenomenology (An article in Encyclopedia Britannica)». Preface, translation and notes by Viktor I. Molchanov. *Logos* 1 (1991): 12–21. (In Russian))
- Гуссерль, Эдмунд. «Философия как строгая наука». *Логос* 1 (1911): 1–56.
- (Husserl, Edmund. «Philosophie als strenge Wissenschaft». *Logos* 1 (1991): 1–56. (In Russian))
- Дынник, М.А. «Американские буржуазные философы – апологеты империалистической реакции». В *Против философствующих оруженосцев американо-английского империализма*, под редакцией Т.И. Ойзермана, 38–58. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- (Dyunnik, Mikhail A. «[American Bourgeois Philosophers – Apologists for Imperialist Reaction]». In [*Against Philosophizing Sword-bearers of American-British Imperialism*], edited by T.I. Oizerman, 38–58. Moscow: AN SSSR Publ., 1951. (In Russian))
- История философии в 6 т.* Под редакцией М.А. Дынника, М.Т. Иовчука, Б.М. Кедрова, М.Б. Митина, Т.И. Ойзермана, А.Ф. Окулова. М.: Наука, 1965.

- ([*The History of Philosophy in 6 vols.*]. Edited by M.A. Dynn timer, M.T. Iovchuk, B.M. Kedrov, M.B. Mitin, T.I. Oizerman, A.F. Okulov. Moscow: Nauka Publ., 1965. (In Russian))
- Зайферт, Йозеф. «Философия как строгая наука», *Логос* № 9 (1997): 54–76.
- (Seifert, Josef. «Philosophy as a Rigorous Science». *Logos* no. 9 (1997): 54–76. (In Russian))
- Звейрде, ван дер Эверт. *Взгляд со стороны на историю русской и советской философии*. СПб.: Алетеия, 2017.
- (Zweerde, van der Evert. [*View From Aside on the History of Russian and Soviet Philosophy*]. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2017. (In Russian))
- Иовчук, М.Т., Т.И. Ойзерман, И.Я. Щепанов, ред. *Краткий очерк истории философии*. 3-е изд. М.: Мысль, 1975.
- (Iovchuk, M.T., T.I. Oizerman, I.Ya. Shchepanov, ed. [*A Brief Essay of the History of Philosophy*]. 3 ed. Moscow: Mysl Publ., 1975. (In Russian))
- Иовчук, М.Т., В.А. Малинин, отв. ред. *Против современных буржуазных фальсификаторов марксистско-ленинской философии. Сборник статей*. М.: Наука, 1964.
- (Iovchuk, M.T., V.A. Malinin, ed. [*Against Modern Bourgeois Falsifiers of Marxist-Leninist Philosophy. Essays.*] Moscow: Nauka Publ., 1964. (In Russian))
- История философии*. Т. III. *Философия первой половины XIX века*. Под редакцией Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1943.
- ([*The History of Philosophy*]. Vol. III. [*Philosophy of the First Half of the 19th Century*]. Edited by Georgy F Aleksandrov, Bernard Bykhovskiy, Mark B. Mitin, Pavel F. Yudin. Moscow: OGI Z, Gospolitizdat, 1943. (In Russian))
- Киссель, М.А. «Гегель и Гуссерль». *Логос* 1 (1991): 59–67.
- (Kissel, Mikhail A. «Hegel and Husserl». *Logos* 1 (1991): 59–67. (In Russian))
- Кондакова, Н.И., Г.А. Куманев. *Ученые-гуманитарии России в годы Великой Отечественной войны: Документы. Материалы. Комментарии*. М.: Светотон, 2004.
- (Kondakova, N.I., G.A. Kumanev. [*Russian Scientists in the Humanities During the Great Patriotic War: Documents. Materials. Comments*]. Moscow: Svetoton Publ., 2004. (In Russian))
- Кузнецов, В.Н. *Жан-Поль Сартр и экзистенциализм*. М.: Изд-во МГУ, 1969.

- (Kuznetsov, Vitaly N. [*Jean-Paul Sartre and Existentialism*]. Moscow: Moscow State University Publ., 1969. (In Russian))
- Курсанов, Г.А., ред. *Современный объективный идеализм*. М.: Соцэкгиз, 1963.
- (Kursanov, Georgy A., ed. [*Modern Objective Idealism*]. Moscow: Sotsek-giz Publ., 1963. (In Russian))
- Курсанов, Г.А., Н.С. Юлина. «Кризис буржуазной философской мысли и современный объективный идеализм. Вступительная статья». В *Современный объективный идеализм*, под редакцией Г.А. Курсанова, 3–42. М.: Соцэкгиз, 1963.
- (Kursanov, Georgy A., Nina S. Yulina. «[The Crisis of Bourgeois Philosophical Thought and Modern Objective Idealism. Introductory article]». In [*Modern Objective Idealism*], edited by Georgy A. Kursanov, 3–42. Moscow: Sotsek-giz Publ., 1963. (In Russian))
- Лазарев, В.В. «Экзистенциалистская концепция человека в США». *Вопросы философии* № 3 (1967): 160–169.
- (Lazarev, Valentin V. «[Existentialist Conception of Man in the USA]». *Voprosy Filosofii* no. 3 (1967): 160–169. (In Russian))
- Леонов, М.А. *Очерк диалектического материализма*. М.: ОГИЗ. Госуд. изд-во политич. литературы, 1948.
- (Leonov, Mikhail A. [*Essay on Dialectical Materialism*]. Moscow: OGIZ, State Publishing House of Political Literature, 1948. (In Russian))
- Мальтуш, В. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», *Вопросы философии* № 6 (1961): 179–180.
- (Maltusch W. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», *Voprosy Filosofii* no. 6 (1961): 179–180. (In Russian))
- Мальтуш, В. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», *Вопросы философии* № 7 (1961): 175–176.
- (Maltusch W. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», *Voprosy Filosofii* no. 7 (1961): 175–176. (In Russian))
- Мамардашвили, М.К. «О философии». *Вопросы философии* № 5 (1991): 3–10.
- (Mamardashvili, Merab K. «[On Philosophy]». *Voprosy Filosofii* no. 5 (1991): 3–10. (In Russian))
- Менде, Георг. *Очерки о философии экзистенциализма*. Перевод А.Г. Мысливченко и Е.А. Фроловой М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
- (Mende, Georg. *Studien über die Existenzphilosophie*. Übersetzt von A.G. Myslivchenko, E.A. Frolova. Moscow: Foreign Literature Publ., 1958. (In Russian))

- Михайлов, А.А. *Философия обреченных*. Минск, 1962.
(Michailow, Anatoli. *Philosophy of the Doomed*. Minsk, 1962. (In Russian))
- Мотрошилова, Н.В. «Драма жизни, идей и грехопадения Мартина Хайдеггера». В *Философия Мартина Хайдеггера и современность*, 3–52. М.: Наука, 1991.
(Motroshilova, Nelly V. «[The Drama of Life, Ideas and the Fall of Martin Heidegger]». In *Philosophy of Martin Heidegger and Modernity*, 3–52. Moscow: Nauka, 1991. (In Russian))
- Мотрошилова, Н.В. «К проблеме социальной обусловленности познания (из истории философии XVII–XVIII вв.)». Докторская диссертация, Институт философии АН СССР, 1970.
(Motroshilova, Nelly V. [“On a Problem of Social Conditionality of Knowledge (from a History of Philosophy XVII–XVIII centuries)”]. DSc diss., Institute of Philosophy, The USSR Academy of Sciences, 1970. (In Russian))
- Мотрошилова, Н.В. *Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль*. М.: Академический Проект, 2012.
(Motroshilova, Nelly V. [*Soviet Philosophy of the 50–80s of the XX century and Western Thought*]. Moscow: Academic Project Publ., 2012. (In Russian))
- Мотрошилова, Н.В. *Познание и общество. Из истории философии XVII–XVIII веков*. М.: Мысль, 1969.
(Motroshilova, Nelly V. [*Cognition and Society. From the History of Philosophy of the XVII–XVIII centuries*]. Moscow: Mysl Publ., 1969. (In Russian))
- Мотрошилова, Н.В. *Принципы и противоречия феноменологической философии*. М.: Высшая школа, 1968.
(Motroshilova, Nelly V. [*Principles and Contradictions of Phenomenological Philosophy*]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ, 1968. (In Russian))
- Мотрошилова, Н.В. «Проблема теории в западногерманской социологии». В *Современная философия и социология в ФРГ: некоторые направления и проблемы*, 144–179. М.: Мысль, 1971.
(Motroshilova, Nelly V. «[The Problem of Theory in West German Sociology]». In *Modern Philosophy and Sociology in Germany: Some Directions and Problems*, 144–179. Moscow: Mysl, 1971. (In Russian))
- Мотрошилова, Н.В. *Путь Гегеля к «Науке логики»*. М.: Наука, 1984.
(Motroshilova, Nelly V. [*Hegel’s Path to the Science of Logic*]. Moscow: Nauka Publ, 1984. (In Russian))
- Мотрошилова, Н.В. *Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты*. М.: Наука, 1991.

- (Motroshilova, Nelly V. [*Birth and Development of Philosophical Ideas: Essays in History of Philosophy*]. Moscow: Nauka, 1991. (In Russian))
- Мотрошилова, Н.В. «Социология познания». В *Философская энциклопедия*: В 5 т. Т. 5, 100–101. М.: Сов. энциклопедия, 1960–1970.
- (Motroshilova, Nelly V. «[Sociology of Knowledge]». In *Encyclopedia of Philosophy*: in 5 vol. Vol. 5, 100–101. Moscow: Great Soviet Encyclopedia, 1960–1970. (In Russian))
- Мотрошилова, Н.В. «США: наука и общество (итоги 60-х годов)». *Вопросы философии* № 7 (1972): 102–111.
- (Motroshilova, Nelly V. «[USA: Science and Society (Results of the 60s)]». *Voprosy Filosofii* no. 7 (1972): 102–111. (In Russian))
- Мотрошилова, Н.В. «Феноменологическая философия и объективный идеализм». В *Современный объективный идеализм*, под редакцией Г.А. Курсанова, 114–173. М.: Соцэкгиз, 1963.
- (Motroshilova, Nelly V. «[Phenomenological Philosophy and Objective Idealism]». In [*Modern Objective Idealism*], edited by Georgy A. Kurzanov, 114–173. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1963. (In Russian))
- Мотрошилова, Н.В., Э.Ю. Соловьев. «От защиты “строгой науки” к утверждению иррационализма (философская эволюция Э. Гуссерля и немецкий экзистенциализм)», *Вопросы философии* № 5 (1964): 92–103.
- (Motroshilova, Nelly V., Erik Yu. Soloviev. «[From the Defense of “Rigorous Science” to the Assertion of Irrationalism (Philosophical Evolution of E. Husserl and German Existentialism)]». *Voprosy Filosofii* no. 5 (1964): 92–103. (In Russian))
- Нарский, И.С. «Кризис буржуазной философии на современной этапе истории и проблемы ее критики». *Философские науки* № 1 (1967): 3–14.
- (Narsky, Igor S. «[The Crisis of Bourgeois Philosophy at the Present Stage of History and the Problems of its Criticism]». *Filosofskie Nauki / Philosophical Studies* no. 1 (1967): 3–14. (In Russian))
- Нарский, И.С. «Понятия “нигилизма” и “ничто” в экзистенциализме М. Хайдеггера и антикоммунизм». *Философские науки* № 3 (1964): 67–75.
- (Narsky, Igor S. «[The Concepts of “Nihilism” and “Nothing” in the Existentialism of M. Heidegger and Anti-communism]». *Filosofskie Nauki / Philosophical Studies* no. 3 (1964): 67–75. (In Russian))
- Ойзерман, Теодор Ильич. «О сталинских академиках и взаимоотношении философии и власти в СССР». Беседовал Споров Дмитрий Борисович. *Устная история*, 17 октября 2012, <https://oralhistory.ru/talks/orh-1412/text>

- (Oizerman, Theodor I. «On Stalin's Academy Members and on Relationships Between Government and Philosophy in the USSR». A Conversation with Dmitriy Borisovich Sporov. *Ustnaja Istorija / Oral History*. October 17, 2021, <https://orallhistory.ru/talks/orh-1412/text>. (In Russian))
- Ойзерман, Т.И., ред. *Против философствующих оруженосцев американо-английского империализма*. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- (Oizerman, Theodor I., ed. [*Against Philosophizing Sword-Bearers of American-British Imperialism*]. Moscow: AN SSSR Publ., 1951. (In Russian))
- Познер, В.М. «Неогегельянская» разновидность социал-фашистской философии (Зигфрид Марк и его «Критическая диалектика»). М.; Л.: Гос. соц.- экон. изд-во, 1933.
- (Pozner, Viktor M. [*«Neo-Hegelian» Variety of Social Fascist Philosophy (Siegfried Marck and His Critical Dialectics)*]. Moscow; Leningrad: State Socio-Economic Publ., 1933. (In Russian))
- Сартр, Жан-Поль. *Воображаемое. Феноменологическая психология воображения*. СПб.: Наука, 2001.
- (Sartre, Jean-Paul. *L'imaginaire psychologie phenomenologique de l'imagination*. Traduit par M. Beketova. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001. (In Russian))
- Сартр, Жан-Поль. *Дневники странной войны сентябрь 1939 – март 1940*. Перевод О. Волчек, С. Фокин. СПб.: Владимир Даль, 2002.
- (Sartre, Jean-Paul. *Garnets de la drole de guerre Septembre 1939 – Mars 1940*. Traduit par O. Volchek, S. Fokin. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ., 2002. (In Russian))
- Сартр, Жан-Поль. *Экзистенциализм – это гуманизм*. Перевод М. Грецкого. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953.
- (Sartre, Jean-Paul. *L'existentialisme est un humanisme*. Traduit par M. Gretsky. Moscow: Foreign Literature Publ., 1953. (In Russian))
- Соловьев, Э.Ю. «Экзистенциализм (Историко-критический очерк) (Статья первая)», *Вопросы философии* № 3 (1966): 76–88.
- (Soloviev, Erik Yu. “Existentialism (A Historic Critical Essay) (First Paper)”. *Voprosy Filosofii* no. 3 (1966): 76–88. (In Russian))
- Соловьев, Э.Ю. «Экзистенциализм (Историко-критический очерк) (Статья вторая)», *Вопросы философии* № 1 (1967): 126–139.
- (Soloviev, Erik Yu. “Existentialism (A Historic Critical Essay) (Second Paper)”. *Voprosy Filosofii* no. 1 (1967): 126–139. (In Russian))
- Филиппов, Л.И. *Философская антропология Жан-Поля Сартра*. М.: Наука, 1977.
- (Filippov, L.I. [*Jean-Paul Sartre's Philosophical Anthropology*]. Moscow: Nauka Publ., 1977. (In Russian))

- Финк, О. «Элементы критики Гуссерля». Перевод Г. Чернавина. *Логос* 26, № 1 (2016): 47–60.
- (Fink, Eugen. «Elemente einer Husserl-Kritik». Übersetzt von G. Chernavin. *Logos* 26, no. 1 (2016): 47–60. (In Russian))
- Фирсов, Б.М. *Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики*. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008.
- (Firsov, Boris M. [*Diversity of Thought in the USSR. 1940-1960s: History, Theory and Practice*]. St. Petersburg: EUSPB Press, 2008. (In Russian))
- Хаардт, А. «Эдмунд Гуссерль и феноменологическое движение в России 10-х и 20-х годов». *Вопросы философии* № 5 (1994): 57–63.
- (Haardt, Alexander. «Edmund Husserl und die phänomenologische Bewegung in Russland in der 10-er und 20-er Jahren». *Voprosy Filosofii* no. 5 (1994): 57–63. (In Russian))
- Цебенко, М.Д. «Борьба Коммунистической партии Франции против идеологии поджигателей войны». *Вопросы философии* № 4 (1951): 183–196.
- (Tsebenko, M.D. «[The Struggle of the Communist Party Against the Ideology of the Arsenists of War]». *Voprosy Filosofii / Questions of Philosophy* no. 4 (1951): 183–196. (In Russian))
- Чалин, М.Л. *Философия отчаяния и страха*. М.: Госполитиздат, 1962.
- (Chalin, Mikhail L. [*Philosophy of Despair and Dread*]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1962. (In Russian))
- Шершенко, Л.А. «Борьба коммунистов и передовых ученых США против философии империализма». В *Против философствующих оруженосцев американско-английского империализма*, ред. Т.И. Ойзерман, 260–282. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- (Scherschenko, L.A. «[Communists' and Progressive Scientists' Struggle Against Philosophy of Imperialism]». In [*Against philosophizing sword-bearers of American-British Imperialism*], edited by Theodor I. Oizerman, 260–282. Moscow: AN SSSR Publ., 1951. (In Russian))
- Шохин, Вилкс. «Записка о морально-политическом состоянии педагогических ВУЗов, март 1935, направленная в Бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Н.И. Ежову». В *Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах*, 108–113. М.: РОССПЭН, 1998.
- (Shohin, Wilks. «[A Note on Moral and Political Situation in Pedagogical Universities, March 1935, addressed to N.I. Ezhov, Bureau of Party Control at Central Committee VKP(b)]». In [*Society and Power:*

- The 1930-s. Representation in Documents*], 108–113. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998. (In Russian))
- Шпет, Г.Г. *Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы*. М.: Гермес, 1914.
- (Spet, Gustav. *Appearance and Sense*. Moscow: Hermes Publ., 1914. (In Russian))
- Шпет, Г.Г. *Мысль и слово. Избранные труды*. М.: РОССПЭН, 2005.
- (Spet, Gusatv. *Thought and Word. Selected Writings*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005. (In Russian))
- Шпигельберг, Г. *Феноменологическое движение. Историческое введение*. М.: Логос, 2002.
- (Spiegelberg, Herbert. *The Phenomenological Movement. A Historical Introduction*. Moscow: Logos Publ., 2002. (In Russian))
- Черняев, А.В., Т.Г. Щедрина, ред. *Институт научной философии. Начало*. М.: Политическая энциклопедия, 2021.
- (Tchernjaev, A.V., T.G. Shchedrina, ed. *Institute of Scientific Philosophy. Beginnings*. Moscow: Political Encyclopedia, 2021. (In Russian))
- Эфилов, С.А. «По поводу книги Ж. Ревеля “Зачем философы?” J.F. Revel “Porquoi des philosophes?”». *Вопросы философии* № 3 (1959): 180–183.
- (Efirov, S.A. «[On J. Revel’s Book “Porquoi des philosophes?”]». *Voprosy Filosofii / Questions of Philosophy* no. 3 (1959): 180–183. (In Russian))
- Beavoir, Simone de. *La force de l’âge*. Paris, 1960.
- Blakeley T.J. «Current Soviet Views on Existentialism». In *Studies in Soviet Thought* 7, no. 4, 333–339 (1967). <https://doi.org/10.1007/BF01043637>.
- Blakeley 1970 – Blakeley, T.J. «N.V. Motrošilova on Husserl». *Studies in Soviet Thought* 10 (1970): 50–52. <https://doi.org/10.1007/BF02027808>
- Caims, Dorion. «My Own Life». In: *Phenomenology: Continuation and Criticism*. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-010-2377-1_1.
- Chestov, Leon. *Kierkegaard et la philosophie existentielle: vox clamantis in deserto*. Paris: Vrin, 1936.
- Chestov, Leon. «Kierkegaard, philosophe religieux». In *Série de cinq conférences diffusées sur Radio-Paris entre le 21 octobre et le 25 novembre 1937*. Paris: Cahiers de Radio-Paris, n° 12, 1937. 15 décembre.
- De George, R.T. «Heidegger and the Marxists». *Studies in Soviet Thought* 5 (1965): 289–297. <https://doi.org/10.1007/BF01043500>
- Farber, Marvin. «A Review of Recent Phenomenological Literature». *The Journal of Philosophy* 27, no. 13 (1930): 337–349.
- Farber, Marvin. *Basic Issues of Philosophy. Experience, Reality and Human Values*. N.Y., Evanston, London: Harper & Row Publishers, 1968.

- Farber, Marvin. *Naturalism and Subjectivism*. Springfield Illinois: Charles C. Thomas Publ., 1959.
- Farber, Marvin. *The Aims of Phenomenology. The Motives, Methods and Impact of Husserl's Thought*. N.Y.: Harper & Row, 1966.
- Fink, Eugen. «Bewußtseinsanalytik und Weltproblem». In *Phänomenologie – lebendig oder tot? Mit Beiträgen von Helmut Gehrig – Eugen Fink – Martin Heidegger – Ludwig Landgrebe – Max Müller – Hermann L. Van Breda*, 9–17. Karlsruhe: Badenia, 1969.
- Fink, Eugen. *Oase des Glücks. Gedanken zu einer Ontologie des Spiels*. München: Karl Alber, 1957.
- Gehrig, Helmut (Hg.) *Phänomenologie – lebendig oder tot? Mit Beiträgen von Helmut Gehrig – Eugen Fink – Martin Heidegger – Ludwig Landgrebe – Max Müller – Hermann L. Van Breda*. Karlsruhe: Badenia, 1969.
- Heinemann, Fritz. *Neue Wege der Philosophie. Geist / Leben / Existenz*. Leipzig: Verl. von Quelle & Meyer, 1929.
- Heinemann, Fritz. «Neue Wege der Philosophie: Eine Einführung in die Philosophie der Gegenwart». *Philosophy* 9, Nr. 33 (1934), 112–116.
- Husserl, Edmund. *Erfahrung und Urteil*. Hamburg, 1985 [1. Aufl. Prag, 1939].
- Husserl, Edmund. «Nachwort zu meinen "Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie"». *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung* 11 (1930): 549–570.
- Kersten, Fred, Richard Zaner, eds. *Phenomenology: Continuation and Criticism. Essays in Memory of Dorion Cairns*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1973.
- Landgrebe, Ludwig. *Philosophie der Gegenwart*. Bad-Godesberg: Athenäum-Verl., 1957.
- Moltchanov, Viktor. «Russia». In *Encyclopedia of Phenomenology*, ed. by Lester Embree et al., 614–619. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997.
- Ott, Hugo. *Martin Heidegger: Unterwegs zur seiner Biographie*. Frankfurt am Main: Campus, 1988.
- Ramming, Gustav. *Karl Jaspers und Heinrich Rickert. Existenzialismus und Wertphilosophie*. Bern: A. Francke A.G. Verl., 1948.
- Sartre, Jean-Paul. *L'Imagination*. Paris: PUF, 1936.
- Sartre, Jean-Paul. *La Transcendance de l'ego*. Paris: Vrin, 1992 [1936].
- Spiegelberg, Herbert. *The Phenomenological Movement*. The Hague: Kluwer Academic Publ., 1994. 3rd ed.
- Strasser, Stephan. *Phänomenologie und Erfahrungswissenschaft vom Menschen Grundgedanken zu einem neuen Ideal der Wissenschaftlichkeit*. Berlin: Walter de Gruyter, 1964 (1. Aufl. 1962).